

1934049

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

84P7
066

o $\frac{70402-205}{078(02)-80}$ 188-80. 4702010200

© Издательство «Молодая гвардия», 1980 г.

ВЕЧНО ЖИВАЯ ПОЭЗИЯ

Как-то незадолго до своей безвременной кончины С. С. Орлов сказал мне: «Закончил подготовку своего собрания сочинений, кажется, дочиста подмел свои амбары».

А нынче, уже в самые последние месяцы, его жена В. С. Орлова, разбирая архивы мужа, обнаруживает новые прекрасные стихи, которые слагаются в новые посмертные книги поэта. Чем объяснить это? Чем объяснить, что вполне законченные произведения находились в рукописях и поэт не спешил с опубликованием их? Я убежден — огромной требовательностью к себе, удивительным чувством ответственности перед читателем, тем общественным значением, которое придавал С. С. Орлов поэзии как искусству, помогающему формированию нравственного облика человека.

И сама его поэзия пронизана высокими критериями нравственности. О чем бы он ни писал, его поэзия несла в себе заряд нравственного влияния на личность. Он писал в молодости: «Надо не просто об этом сказать, надо право иметь сказать». И в течение всей своей жизни он прежде всего завоевывал «право сказать», а потом

уже говорил как поэт, выстраданно, проникновенно, по-своему. Не раз я слышал от него мнения о чьих-либо хороших стихах: «Честные стихи, за них жизнью заплачено». Это был его наивысший критерий оценки явления искусства. И сам он платил за свою поэзию — жизнью, опытом, здоровьем.

Я вспоминаю 1946 год, когда в Ленинграде любителям поэзии стали широко известны его фронтовые стихи. Послевоенное время было щедро на появление ярких поэтических имен. Но стихи С. Орлова прозвучали, как нечто из ряда вон выходящее. За ними стояла судьба молодого танкиста, славно сражавшегося на полях войны, трагически горевшего в подбитом фашистами танке. За ними стояла судьба поколения, юношей, вступающих в пекло войны со школьных и студенческих скамей и превратившихся в верных защитников страны и народа. Тематика войны, Советской Армии, танкистского братства всегда органически выявлялась в творчестве С. Орлова, но сводить его поэзию только к ней было бы узко. Патриотизм его поэзии многогранен, полифоничен.

С. Орлов с предельной эмоциональностью смог выразить ощущение России, Родины, материнской земли. Об этой любви к родной земле он так сильно сказал в строках, опубликованных уже после смерти, но в которых уже как бы таилось страшное предчувствие:

Прости, земля, что я тебя покину
не по своей, так по чужой вине
и не увижу никогда рябину
ни наяву, ни в непроглядном сне.

Все его детские впечатления были связаны с исконно русскими просторами вологодской, белозерской зем-

ли. Белозерск, древний город, сохранивший защитные земляные валы, продуваемый вольными ветрами Белого озера, не заштатный город, а с широкими бульжными улицами, крепкими старинными домами, отмеченный и в летописях, и в русской поэзии, влиял на внутренний мир мальчика, юноши и приобщал его к высокому пониманию Родины и красоты. А совсем рядом стоял Феррапонтов монастырь, где неувядаемые фрески Дионисия как бы выражали силу национального духа. В поэзию С. Орлова этот мир вошел навсегда в его глубинном философском смысле.

С. Орлов был высокообразованный человек, он начал до войны учиться в Петрозаводском университете, после войны продолжил образование на историческом факультете Ленинградского университета, а затем перешел в Литературный институт, который и закончил. Его интересы были обширны: проблемы, связанные с освоением и проникновением в космос, жизнь северной колхозной деревни, современная живопись, русская история времен средневековья... Более чем в 30 зарубежных странах побывал он, вдумчиво запечатлевая виденное. Богатство жизненных впечатлений давало ему возможность выразить духовный облик современника многомерно, по-граждански зрело и страстно.

Одним из признаков выдающейся поэтической личности является то, что она, развиваясь сама, как бы дает импульсы более молодым, следующим за нею поэтам. Настоящий поэт должен стремиться к тому, чтобы его художественный мир становился школой для новых поколений. Это осуществляется не как некая заданность, но естественно, логично, творчески. В разные годы я читал высказывания таких известных поэтов, как Сергей Видулов, Александр Романов, Римма Казакова, Владимир Торопыгин, Сергей Давыдов, и других о той роли,

которую сыграл в их творческом становлении Сергей Орлов как поэт и как личность.

*Его зарыли в шар земной,
а был он лишь солдат —*

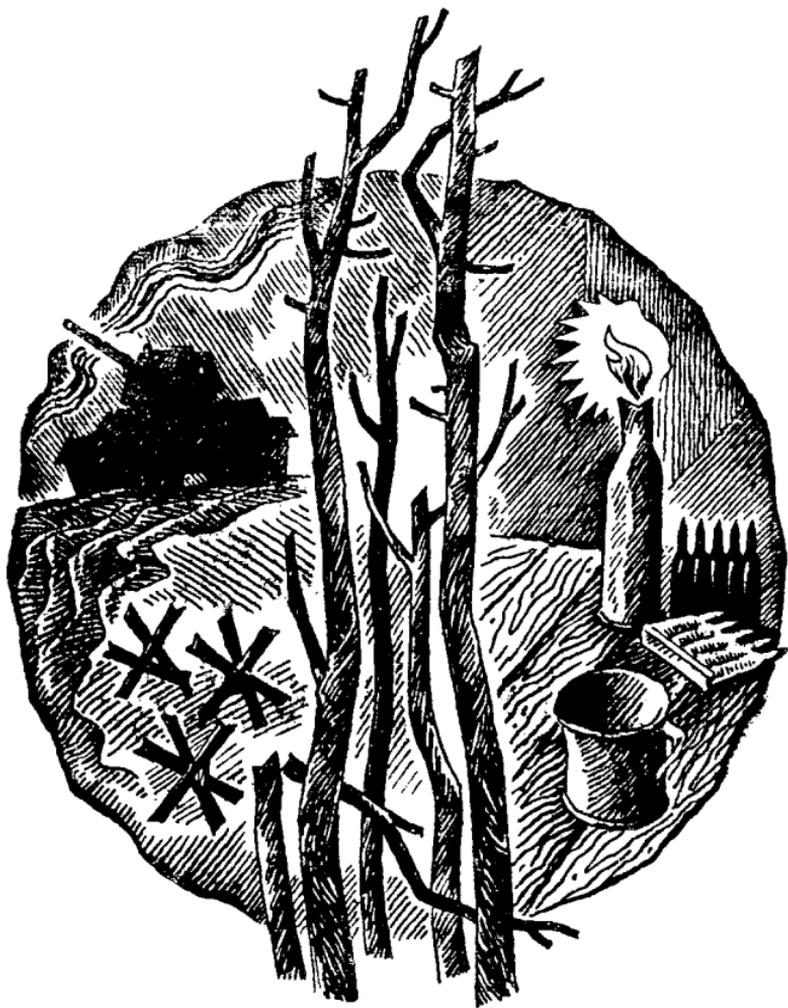
эти хрестоматийные строки запечатлены в сознании народа. Но не только они говорят нам о том, что Сергей Орлов по содержанию своего творчества и по жизни своей настоящий народный поэт. Лучшее, созданное им, навсегда останется в сокровищнице национального искусства. А мы, современники его, будем еще помнить и о том, что как от угасшей звезды еще долго-долго струится свет, так и после смерти этого замечательного художника к нам все идут его новые стихи, скрытые от нас ранее его человеческой скромностью, а те стихи, которые мы знали прежде, приобретают еще более глубокий смысл, потому что поэт, уйдя от нас, оставил нам свою героическую судьбу.

Олег Шестинский

ЗВЕЗДНАЯ
МОЯ
ЗЕМЛЯ
РОССИЯ

* * *

Здесь земля дрожала не от страха,
Просто было горестно земле,
Осыпались звезды, как на плаху,
На нее в ночной багровой мгле.
И ложились звезды на сосновых
Надмогильных столбиках тогда,
Но вставали батальоны снова,
На ушанках красная звезда...
Звездная моя земля Россия,
Огненным политая дождем,
Ты их на руках своих носила,
Ты их посылала напролом.
Сыновей своих любимых, кровных,
Может быть, единственных, туда,
Где на дзотах в шесть накатов бревна,
Проволока густо, в три ряда...

1945 г.

ГРАНАТА

В скорлупе с чугунной спинкой,
Не простое яйцо,
Брызнет огненной начинкой,
Только дерни за кольцо.

Если в бой пойдут ребята,
И пойду я с ними в бой,
Ты очистишь мне, граната,
Путь в бою перед собой.

А окружит враг проклятый —
Не прорваться из кольца,
Ты спасешь меня, граната,
От позорного конца.

1941 г.

ДОЖДЬ

Осень. Листья на панели,
Город в тучах над Невой...
Проникает сквозь шинели
Дождь осенний затяжной.

Только пусть под ветра свисты
Льет холодный он и злой,
Каково сейчас фашистам,
А для нас он свой, родной!..

1941 г. Сентябрь

* * *

Может, мне и осталось всего:
Путь — дорога к немецким окопам,
Танк разбитый, разрывы кругом,
Крови след на поблекшей осоке.

Он ведет, убегая, в лесок,
А в конце, там, где холм муравьиный,
Мне придется улечься в песок,
Под деревьями руки раскинув.

И в опавшей листве золотой
Надо мною в тяжелом безлюдьи
Прорастет березняк молодой
Через ребра распавшейся груди.

20.9.41 г.

* * *

Хочу, чтобы меня вело
По всем высотам вдохновенья
Мое прямое ремесло —
Танкиста и бойца уменье.

Как пулеметная строка,
Ложитесь на бумагу, строки,
Лети, мой стих, издалека,
Все пережив на свете сроки.

Не ради слов, не славы для
Явись к потомкам и поведай
О нас, пусть вспомнит нас земля
В час искупленья, в час победы...

1942 г.

* * *

Издали рывкают гулкие пушки,
Люди не спят в этом раннем часу,
Танки стоят на зеленой опушке,
Словно слоны в африканском лесу.
Так вот и кажется, морду поднявши,
Вдруг затрубят от нездешней тоски...
К травам, к земле и к деревьям прижавшись,
В темных лесах притаились стрелки.
Душу томит ожиданье, томленье,
Черт его знает, как время ползет,
Скоро ли этот сигнал — наступленье,
Чтоб без раздумья, как в омут, вперед!

1942 г.

* * *

...На картах не гадай, к чему
Себя надеждой тешить глупой,
В родном краю, в моем дому,
Пусть обо мне поплачут скупю.
Вернусь, так значит нужно так,
Как хорошо, когда не ждали,
Прийти живым из мглы атак,
Из фронтовой грозовой дали.
Без стука двери распахнуть
И встать неслышно на пороге,
С сапог солдатских отряхнуть
Пыль дальней боевой тревоги.

1942 г.

ПЕСНЯ О ЛОШАДИ

Жарким осколком снаряда
Шею пробило у ней,
Смотрит тоскующим взглядом
С крупной слезой на людей.

Алая кровь, как брусника,
Тянется вслед через мох...
Молча, без стопа и крика
Еле не валится с ног.

Вот и окончена служба
И лошадиная жизнь...
Стоило ль в зимнюю стужу
Хвою промерзлую грызть?

В снах на коротких привалах
В редкие видеть часы
Трав голубые завалы
И золотые овсы...

Смотрит с тоской человеческой,
Взрывы грохочут кругом,
Свист смертоносной картечи
Ей уж теперь нипочем.

Вечером выйдет детина,
Вскинет к плечу автомат,
Будет на ужин конина
Для уцелевших солдат.

1942 г.

* * *

Не с немцами воюем, а с болотом,
Здесь танки тонут, но мы их ведем...
Ведь кровью обливается пехота
Под пулеметом, на снегу седом.
Под минами мостим из бревен гати,
На скорости замедленной ползем.
Хрипя в укор солдатские проклятья,
Дорваться бы, пробраться, а потом...
С раскрытым люком, без разбора,
По лесу пулеметами хлеща,
Всю силу выжимая из мотора,
Ворваться в деревеньку и с плеча
Бросать в казенник веские снаряды,
И стервенеть, и напролом вести
Пятидесятитонную громаду,
Сминая все на яростном пути...

1942 г.

* * *

Далеко течет река Шексна,
Волги нареченная сестра,
Я ее увижу только в снах,
Редких и коротких, у костра.

Высоко зеленая звезда,
Свет ее сияет над Шексной,
Легкая, певучая вода
Очень схожа цветом со звездой.

Белые березки на лугу,
Русские, знакомые до слез,
Так же вот на дальнем берегу
Шелестит листва родных берез...

Сядь же рядом, друг, поговорим,
Что-то смолк в лесах орудий гром,
Полчаса осталось до зари,
Тишина, знать, не перед добром...

Видишь, над Ведлозером пожар,
Знать, отходят наши, тяжело,
Яростен врага слепой удар,
Много здесь товарищей легло...

Ты откуда сам, с какой реки?
Трудно... На войне как на войне,
Если что, поклон последний мой
Передай моей реке Шексне.

1942 г.

* * *

Зачем руда сто тысяч лет,
В земле томясь, лежала, зрела
И рудокоп ее на свет
Извлек своей рукой умелой.

В вагранках плавил руду,
Усталый токарь слиток стали
Точил, и в роковом году
Снаряд на дальний фронт послали.

Был страшен взрыв, и не вздохнуть,
Осколком грудь моя пробита,
Зачем руда далекий путь
Прошла, чтоб мне лежать убитым?..

1942 г.

КАРТЫ

Трудный день окончен в школе,
Вечер темный за окном...
Погадай, родная, что ли,
Карты разложи кружком.

Карты врут, а сердцу легче,
Сядь поближе у огня,
Погадай за день истекший
На бубнового меня.

Только карта все плохая,
Вижу, дрогнула рука:
Справа падает лихая
Дама черная — тоска...

Слева дальняя дорога
Да казенный интерес...
Снова на сердце тревога,
Туз виной, шестерка крест...

Но, быть может, в этот вечер
Средь других, едва видна,
Предвещающая встречу,
Карта ляжет хоть одна.

Хоть одна, война не вечна,
Мир наступит над землей,
И вернусь в далекий вечер
Я согласно карт домой...

1942 г.

* * *

В даль веков едва заметной тенью
День уйдет, погаснув навсегда...
Будет лишь такой же дождь осенний
В день иной, когда пройдут года.

Будет небо темное такое ж,
Будут журавли лететь на юг,
Не найдешь ты в комнате покоя,
Этот дальний день припомнив вдруг...

Будет он до мелочей похожий,
Пасмурный, короткий, дождевой,
И тебе покажется прохожий
Другом на дороге фронтовой...

Он уйдет, сутулясь, в непогоду,
Словно в дым пороховой, в туман.
Ты тогда достанешь из комода
Вороной истершийся наган...

Пару фотографий моментальных,
Письма, пожелтевшие давно...
И в стакан нальешь себе с печалью
Горькое солдатское вино.

И, кляня лихую старость, недуг,
Тишину, лекарства на столе...
Что ты там увидишь напоследок,
В вороненом узеньком стволе?..

1942 г.

В ПОДБИТОМ ТАНКЕ

Морозной ночью в тесной башне
Броня от холода горит.
О чем-то мне ненастоящем
Товарищ тихо говорит.

Тепло товарищ вспоминает...
Он врет, нет на земле тепла!
Одна пустыня снеговая
Вчера и завтра, снег и мгла...

И я кричу ему: «Отставить!..»
Но знаю, тыщу метров нам
Лишь до тепла, но танк оставить?..
Нет! Коченей назло врагам...

Сиди и бей из пулемета,
Чтоб пальцы на крючке свело...
И коль не подойдет пехота,
Зажгут нас, будет нам тепло.

1943 г.

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды,
И «мессершмитт» неистово гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И посмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам, невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек,

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий навек моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, разметав чубы.

1943 г.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Не будешь думать вновь и вновь,
Коль за атакой вновь атака,
Про жизнь и первую любовь,
Когда устал ты как собака.

Когда настывшая броня
Прикосновеньем обжигает,
Теплом табачного огня
Когда лишь душу согревают.

Когда на все нам наплевать,
Лишь только бы скорей ракета,
Чтоб заряжать, хрипеть, стрелять.
Но лишь не ожиданье это.

1943 г.

КАРБУСЕЛЬ

*Памяти товарищей,
погибших под Карбуселью*

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли.

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят.
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их.
Ну а им еще б жить да жить!..

Прогремели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
«Завтра мы возьмем Карбусель!»

1943 г.

* * *

Спят солдаты крепким сном
Под тремя накатами.
Снится им знакомый дом,
В нем гремят ухватами,
Мать хлопочет над огнем,
Как всегда, торопится,
Кот мурлычет под столом,
Печка жарко топится.
Ребятишки сели в ряд
За столом без скатерти,
Мокроносые, сопят,
Ждут еды от матери.
Вдруг за окнами скрипят —
Слышат, сани-розвальни,
Входит в дом родной солдат
С клубами морозными,
Сквозь огонь лихих годин
К ним прошел сквозь муки он,
Жив, здоров и невредим,
Валенками стучает...

Но гремит в полях война
Над тремя накатами,
Позабыта тишина
И во сне солдатами.
И, быть может, через час
Так ли, по тревоге ли
Прозвучит опять приказ
Выйти в путь-дорогу им,
И пойдут вперед они,
Тихие и строгие,
На ракетные огни

Все одной дорогою,
Что через бессчетный бой
За село, высоту ли
Приведет солдат домой,
Долго ли, коротко ли...

1943 г. Декабрь

* * *

Мир вспоминали в танке тесном,
И грусть нежданная пришла
О том, что легкою, как песня,
Жизнь наша до войны была.

Так из глубин траншеи небо
Солдатам кажется синей —
Похож на сказочную небыль
Клин серебристых журавлей.

1943 г.

* * *

Жил на свете, не скучал
В офицерском звании,
Пулю-дуру повстречал
Родом из Германии...

Покачнулся белый свет:
— Ничего на свете нет!

1943 г.

* * *

Вокруг весна беспутная летела,
От нетерпенья жгучего дрожа,
И даже медь на гильзах зеленела,
И прорастали бревна блиндажа.

А мы стояли над могилой кругом,
Она, как двери рубленой проем,
В тот мир, откуда нет возврата другу,
Где и весна и зелень — ни при чем.

Ему теперь ни осени, ни лета
Не увидеть над самой головой.
Навек в шинель сосновую одетый,
Он навсегда остался с той весной.

1943 г.

* * *

Когда на фронте наступает ночь
И в небе загораются ракеты,
Они встают, идут от фронта прочь,
Белесыми туманами одеты.

Из ржавых вод, из голубого мха
В истлевших гимнастерках и пилотках
Они встают, беззвучна и тиха
Солдат убитых тяжкая походка.

Они проходят мимо часовых
Бессонных у замолкнувших орудий,
Они зовут по именам живых,
Но их не слышат все живые люди.

Их вдаль ведет извечная тоска
К жилищам мирным, к отческому дому
Они спешат, дорога далека,
По перелескам темным, незнакомым.

Но их в пути вдруг застает рассвет,
Петуший голос на краю России,
И на восток пути им больше нет
Через поля широкие, пустые.

Тогда спешат они к своим местам
В неизвестные холодные могилы,
И воронье взлетает по лесам
И вслед кричит им хрипло и уныло.

Но если кто успеет дошагать
По тропам тайным в то село родное,

Проснется ночью старенькая мать,
И взор ее наполнится слезою.

У ней в ту ночь прибавится седин,
В окно глядеть старушка будет долго,
Почудилось, что в двери стукнул сын,
А это ветер в дверь стучит щеколдой.

И станет долго во дворе скрипеть
Сыпучий снег, стучать в ворота ветер,
В трубе печной о чем-то долго петь...
И женщина уснет лишь на рассвете.

А тот солдат останется навек
Под небесами отческого края,
И станет там кричать, как человек,
Осенний ветер, по полям летая.

1943 г.

* * *

Друзей немало хоронили,
Погибших под огнем в бою. •
Но те, что снова в бой ходили,
Никто не верил в смерть свою...

Все потому, что, встав по знаку
Ракеты, устремленной ввысь,
Шли в смертный бой друзья, в атаку,
По молодой земле — за жизнь!

1943 г.

* * *

Здесь все озера да болота,
Дорог бревенчатый настил,
Там, где с трудом идет пехота,
Нам снова танки в бой вести.

В краю суровом, невеселом,
Где каждый метр сухой земли
Напичкан до отказа толом,
Чтоб танки шагу не прошли.

За метром метр, в снегу, в болоте,
Здесь снова в лоб нам наступать,
Победу трудную пехоте
Своею грудью пробивать.

1943 г.

* * *

А было под Волховом синим:
В крови поднимался рассвет,
Завязшие танки в трясине
И черные ленты ракет.
Болота, болота, болота,
За каждую кочку бои,
И молча в отчаянных ротах
Друзья умирают мои.
Ползут по кровавому следу,
По черному следу полки,
Лишь веруя сердцем в победу
Рассудку уже вопреки...

1944 г.

* * *

Мы ушли на заре, словно тени косые,
Под землей наши руки с корнями сплелись,
И не слышим мы: дождь ли идет по России,
Или дымом сугробы в полях завились.

Тишина, о которой мы столько мечтали,
Черным камнем легла на разбитую грудь,
Может быть, петухи на Руси закричали,
Но и им тишины не вспугнуть, не вспугнуть.

Только хруст корневищ сквозь прогнившие кости,
Только голос подземных ручьев.
На забытом, поросшем крапивой погосте
Мы лежим, может, год, может, тыщу веков.

1944 г.

* * *

Тонкая российская береза
Посредине польмя, огня,
Ничего, что небольшого роста,
Встала, к небу голову подняв.

Падал, умирая, ветер сбоку,
Шел стеной расплавленный металл,
Будто бы коса траву осоку,
Убивал деревья наповал.

Вся была снарядами изрыта
Черная чугунная земля,
Били танки кованым копытом
Вкруг нее долины и поля.

А она стоит себе, простая,
Будто не бывало ничего,
Белая, лучистая, босая,
Вечной жизни свет и торжество.

1944 г.

ФОРМУЛЯР

В войне моторов краток век мотора.
Мотору гарантийная дана
Неделя лишь, в течение которой
Он безотказен, как часы, сполна.

Поэтому учет ведется точно.
Для танка формуляр необходим.
В нем до минуты учтено построено,
Жизнь дизеля, коль надо, проследим.

Хранит бумага, сообщают знаки.
Взгляни в журнал — узнаешь до конца
Часы похода и часы атаки...
Скупая биография бойца.

1944 г.

* * *

Любители костра и солнца
Нарубим топорами дров...
Сосна звенящая, как бронза,
И к ней бересты серебро...

Дым, голубой и горьковатый,
Куриться будет до утра,
Огнепоклонники-солдаты,
Мы сядем кругом у костра...

Деревья тянут лапы-ветки,
Из-под ресниц хвои глядят:
Вот так сидели наши предки,
Наверно, тыщу лет назад.

По ним гулял священный трепет,
Огонь ладони им лизал,
А на болоте плакал стрепет,
И ветер травы подрезал...

И нам огонь, как предкам, дорог,
И мы, как предки, на земле
Спим. Роем в ней землянки-норы,
Тоскуем вечно о тепле.

И в злую непогодь и стужу,
Промокшие насквозь на нем,
Портянки и одежду сушим
И согреваемся огнем.

И даже далеко за гранью
Походных лет и всех боев

Нас будут греть воспоминанья
О золотых огнях костров.

1944 г.

* * *

Он ничьих не называл имен
Перед смертью в душном медсанбате
И не звал в атаку батальон,
Тщетно поднимаясь на кровати.

Адресов в планшете не нашли,
Слез никто не обронил под вечер,
Холмик рыжей глинистой земли
Не спеша насыпали на плечи.

И ушли, а в небе тучка шла
И неслышно, будто мать над сыном,
Словно слезы, скорбна и светла,
Уронила крупные дождины.

1944 г.

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота,
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

1944 г.

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина отдыхает.
Мы все перенесем с тобой:
Мы люди, а она стальная...

1944 г.

ОТКРЫТКА

Недели две разыскивала почта
Четырехзначный номер ППС,
И почтальон доставил темной ночью
Открытку в роту, в обожженный лес.

Но адресат погиб на переправе,
И ротный писарь написал в углу:
«Вернуть за невозможностью доставить», —
И почтальон ушел в ночную мглу.

Она вернулась наконец обратно,
Такой же писарь в блиндаже лесном:
«Доставить невозможно адресату», —
Отметил молча на углу другом.

Потом подумал: «Час лишь, как убит он»,
Глазами строки пробежал и встал —
Все было, как положено, в открытке:
О жизни мертвый мертвому писал...

1944 г.

МГА

Где пройдет лишь одна пехота,
Утопая во мхах на бегу,
Танки мы вели по болоту
Сквозь пургу на станцию Мгу.
Рычаги натрудили плечи,
У механиков злость одна —
Встали мы перед Черной речкой,
Без воды она и без дна.
Через чертову Черную речку
Нет ни брода и ни моста,
Забросать и засыпать нечем,
Только мы не отступим так!
В жидкой грязи почти по пояс
Мы работали на ветру,
До бровей льдом и инеем кроясь,
И к рассвету, почти к утру,
Мы засыпали эту прорву...
Всем, что под руку попадет,
Исступленно взвыли моторы,
Танк, казалось, в торфу плывет,
И, на берег ступивши чадный,
Мы не чувствовали уже,
Что курнуть и погреться надо,
Что одежда на нас, как жечь.
Занимали места без сигнала,
Где-то близко, в дымных снегах
Нас, два года прождав, лежала
Пресловутою ставшая Мга.

1944 г.

ЗЕМЛЯ НОВГОРОДСКАЯ

1

Сердца стук, как короткий стон...
Хоть на тридцать минут бы в сон,
Чтобы встала дорога вдруг,
Чтобы тихо было вокруг,
Чтобы вылезти из-за рычагов
Лишь на тридцать минут всего.
Но навстречу леса, поля,
Новгородская мать-земля.
Села древние без людей
Молят будто: приди скорей!
Оскверненная старина...
Сердце, сердце, нам не до сна

2

Тысячелетия России
Разбитый памятник в снегу
И купола святой Софии —
Мы все запишем в счет врагу.
И через Волхов мост старинный
Мы им напомним в этот час,
Когда о взятии Берлина
Над миром прозвучит приказ.
И мать городов старинных
Простит нам прошлые дела,
Когда на поруганье им мы
Ее отдали купола...

3

На стене одного новгородского дома
Я увидел надпись: ESPANIA.
Здесь, на фасаде рухнувшего зданья,
Широкой кистью, буквы вкривь и вкось,
Написано старательно «Эспания»,
Читать мне эту надпись довелось.

Танкист полковник, подошедший с нами,
Остановился вдруг перед стеной,
Он, может, вспомнил камни Гвадаррамы,
Горячий полдень и далекий бой...

Парней черноволосых астурийских,
С которыми на танке в бой ходил,
На отдыхе на ломаном английском
О дорогой России говорил...

А рядом, в старой колее колесной,
Отвергнутый далекою страной,
Весь темнолицый и черноволосый,
Лежал солдат дивизии голубой.

4

Вид синей Ильмени в тумане
Так был печален и суров,
Глазницами разбитых зданий
Глядевший нам вослед без слов.

Всех городов моей России
Он матерью от века слыл,
К крестам его святой Софии
Сам Невский голос возносил...

5

Мать — новгородская София...
Стены опаленного Кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля.

Громыхая тяжкою бронюю,
Будто рыцари седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон.

1944 г. Февраль

* * *

Металл сгорел, и пусто в черной башне,
Перегородки выплавил огонь,
Пусть день назад он шел вперед бесстрашно,
Прямым ударом раскрошило бронь.

Пробит мотор, и развернуло баки
Взрывной волной и силою огня,
Термита прожигающего знаки
Хранит на башне толстая броня.

Пробита пушка, заржавели траки,
Над блиндажом поднявшись на дыбы.
Вот так и умер он в разгар атаки —
Огнем борта и души прожжены...

1944 г.

ТАНКИСТ

Пистолет из рук не выпуская,
Выскочил из люка задыхаясь,
На пути двоих убил гранатой
И приполз, а на лице нет кожи,
И врачи сказали в медсанбате:
Этот парень вряд ли выжить сможет...

С губ слетело хрипкое проклятье:
Значит, полз и принимал все муки
Для того, чтоб умереть в кровати,
На груди сложив спокойно руки...
Смерть пришла, назвал ее бесстыжей,
Жить решил назло всему — и выжил...

1944 г.

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей.

1944 г.

* * *

Я своих фотографий тебе не дарил
И твоих не просил с собой,
О тебе никому я не говорил,
Уходя на рассвете в бой.

Это только поэты пишут в стихах,
Это только в песнях поют,
Будто женская верность на дымных полях
Охраняет солдат в бою.

Ожиданьем пули не отведешь,
Заклинать судьбу ни к чему.
Будто ты меня силой любви спасешь,
Я не верю совсем тому.

Позабудешь, устанешь ждать за года,
Если мертвым я упаду,
Схорони, забудь, я живой тогда
Непременно назло приду.

1944 г.

ТАНК

(Поединок)

Словно мамонт, яростный, упрямый,
Огненный распахивая круг,
Шел он через рытвины и ямы,
Подминая все вокруг.
В сотни лошадиных сил мотором
Фыркая и щелями кося,
Постоянно прибавляя скорость,
Землю тяжелой поступью тряся,
Страхом подавив живую душу,
Скрежетом и струями свинца,
Будто бы из тьмы веков минувших
Вырвавшийся, грозный до конца.
И тогда над узкою траншеей
Человек в шинели во весь рост
Встал пред ним, похожий на пигмея,
Так единоборство началось!
Человек занес над зверем руку,
И тогда-то смыслу вопреки,
Вздвогнув, заревев в смертельной муке,
Танк остановился от руки.
Тяжкая слетела гусеница,
Влилось пламя в щели, как вода.
Человек, усталый, бледнолицый,
Пот со лба отер рукой тогда...
Хрипло прокричавши напоследок
Голосом, от радости чужим...
Может, так его далекий предок,
Мамонта сразив, кричал над ним...

1944 г.

* * *

Пусть о нас вспоминать будут редко,
Пусть потомки забудут о том,
Как за них несчастливые предки
Умирали под Мгой и Орлом.

Все равно в этой жизни далекой
Будем вечно мы жить среди них
Черноземом на пашнях широких,
Кирпичами в дворцах голубых.

В легкой песне берез по дорогам,
На рассвете в прохладной росе,
В ясных реках и травах, во многом,
Без чего нету жизни совсем...

Без чего не сбывается счастье...
Мы придем непременно в него,
В этот век, через дым и ненастье,
Став свободным дыханьем его.

1944 г.

* * *

Когда под пулями лежишь,
Уткнувшись в землю, без движенья,
С особой силой ощутишь
Закон земного притяженья.
Ты двадцать лет ее подряд
Спокойно попирал ногами
И лишь к ручью склониться рад,
Припав горячими губами.
Ползет по кочке муравей,
И ты, всесильный царь природы,
Ты позавидуешь ему
Лишь одному под небосводом.
Он мал, он в землю уползет,
Его не тронет пуля злая,
Твой друг убит, а он живет,
Ни войн, ни битв не признавая.
Земля — она как щит стальной,
Когда поднимешься по знаку,
Захочется перед собой
Ее поднять, идя в атаку.

1945 г.

* * *

Сумрак сел. Соловьи в кустарниках
Промывают горло росой,
Прикрываем башни угарные
И ложимся в ковыль густой,
Прокопченные дымом, потные,
Будто с пахоты тугари.
От зари до другой зари.
Хорошо машины работали,
Краска лупится на орудиях,
Кровь, как ржавчина, на броне.
И вдыхаю широкой грудью я
Запах клевера в тишине.
Все мне кажется — плугом взорвана
За дороною целина.
«Трактористы» от пыли черные,
В гимнастерках, при орденах...

1945 г.

* * *

Учила жизнь сама меня
Она сказала мне,
Когда в огне была броня
И я горел в огне.
«Держись, — сказала мне она, —
И верь в свою звезду,
Я на земле всего одна,
И я не подведу.
Держись, — сказала, — за меня».
И, люк откинув сам,
Я вырвался из тьмы огня
И вновь приполз к друзьям.

1945 г.

* * *

В полях уже осыпались траншеи,
И стерлись танков тяжкие следы,
Воронки бомб бестрепетно синеют,
Напоминая тихие пруды.
Земля сама свои врачует раны,
Трубят отбой тревоги журавли.
Война давно ушла в чужие страны,
И в городах уже огни зажгли.
Приходит вечер, розовеют дали,
Кузнечик в травах молодых звенит,
И до конца войны уже остались
Не месяцы, а может, только дни...

1945 г. Апрель

* * *

Знаю я: в песчаник иль суглинок
Мне придется все же мертвым лечь
И земли тяжелой пол-аршина
Мне насыпят на воскрылья плеч.

Мне земли не скинуть, столб не сдвинуть,
Но по истечению многих лет
Стану я песком, пахучей глиной,
И меня тогда на белый свет

Извлечет гончар веселый, рыжий,
И, из глины вылепив кувшин,
На огне меня до звона выжжет,
И продаст на рынке за алтын...

И девчонка в жаркий, пьяный полдень,
Встретится с какой не довелось,
Ключевой водой меня наполнив,
Поцелует, жадная, взасос...

1945 г.

* * *

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли.
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы всё сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка.

1945 г.

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

1945 г.

МАТЬ

Она молилась за победу,
Шесть сыновей на фронт ушли,
Но лишь когда упал последний,
Чтоб никогда не встать с земли,
Победа встала на пороге,
Но некому ее встречать...
«Кто там?..» — спросила вся в тревоге
От слез ослепнувшая мать.

1945 г.

* * *

Легко и кратко гикнул пароход,
И брошены на гулкий берег сходни,
В мечту доска скрипучая ведет.
Мечта, ты былью сделалась сегодня.

Кровь ударяет тягостно в виски
И вдруг уходит, как вода прилива.
Мы возвратились снова, земляки,
Родимые березки над обрывом,

Твоя обетованная земля,
Проселочная желтая дорога...
По тысяче иных путей пыля,
Ее одну лишь в памяти сберег он.

Иди по ней, иди, не чужа ног,
Слез не стыдись, скупых и одиноких.
Мигает синим глазом василек,
Звенит трава, и лес шумит высокий.

Кукушка надрывается, к чему
Сейчас она судьбу тебе пророчит,
Ведь ты вернулся к дому своему,
И ты года сейчас считать не хочешь.

Мгновенье это стоит жизни всей,
Неповторимый ветер хлынул в душу,
Припасть к земле на бархат зеленой
И голоса Отчизны долго слушать.

Протяжные, как клекот журавлей,
Глядеть в ее глаза не наглядеться,

Что может быть прекраснее на ней,
Чем этот уголок просторный детства.

В тропинке светлой, в шорохе берез
Оно живет, годами не задето,
В тележной песне медленных колес,
В неуловимых звуках и приметах.

Деревья развеселою гурьбой
К тебе навстречу опускают руки,
И кланяются ивы над рекой,
И нету больше на земле разлики.

Вот женщина навстречу по стерне,
От солнца вся как будто золотая,
Идет, остановилась в стороне
И вслед тебе глядит не отрываясь.

Да где тебя теперь, солдат, узнать,
Ты усмехнулся ртом сожженным криво,
Но вдруг подумал, как заплачет мать,
Не оттого, что инвалид, что жив он!

И ни о чем испуг в глазах чужих
И бабья нескрываемая жалость...
Дорога вырывается из ржи,
Совсем немного до избы осталось...

И солнце бьет в багровое лицо,
В калитку сердце — не рука стучится,
И взяться за железное кольцо —
Как будто вдруг со счастьем обручиться.

ПОБЕДА

Она пришла с улыбкою с вокзала
И скинула с порога вещмешок.
В избе светло необычайно стало,
И сразу ни печалей, ни тревог.

И мать руками сына обнимает.
Так вот она, Победа, какова:
В защитной гимнастерке, молодая,
И у нее седая голова...

1945 г.

* * *

Не таким, не в войну, с полпути,
Я мечтал в этот домик прийти.
Щеки в шрамах, в багровых рубцах
(Нету прежнего больше лица),
Руку скрюченную неся,
Кисть багрова, как лапа гуся.
Смотрит с жалостью женщина: вот
С фронта новый калека идет.

1945 г.

ДЕРЕВНЯ ГОРА

В небе клубы дымаплыли,
Пламя прядало, шурша,
Ни одна, когда отбили,
Нас не встретила душа.

По угрюмой и пустынной
В наступившей тишине,
Люки распахнув в машинах,
Мы прошли тогда по ней.

И забыл ее бы просто,
Я деревню на бугре,
Если бы не привелось мне
За деревнею гореть.

Рыжим кочетом над башней
Пламя встало на дыбы...
Как я полз по снежной пашне
До окраинной избы,

Опаленным ртом хватая
Снега ржавого куски,
Пистолет не выпуская
Из дымящейся руки.

Не расскажешь в этой песне,
Да и ни к чему. Потом
За меня ребята честно
Расквитались там с врагом.

И осталась несожжена
Деревенька вдоль бугра
На земле освобожденной
По названию Гора.

1945 г.

* * *

Будут жарко натоплены печи,
За морозным окном тишина.
Отставной лейтенант в этот вечер
Загрустит за бутылкой вина.

А с пластинки, надтреснутой, черной,
Чей-то голос, негромкий, родной,
Повторять ему будет упорно,
О землянке в походах под Мгой,

О равнине, холодной и мертвой,
О девчонке, курносой чуть-чуть,
Что живет на пластинке истертой
Да, наверно, еще где-нибудь.

1945 г.

* * *

Под толщей вод на дне песчаном,
Вдали от берегов земли,
В глубинах синих океана
Ржавеют тихо корабли.

Пустынны палубы, у борта
Медуз прозрачные дымки...
Расположились с комфортом
В каютах крабы и рачки.

Высоких водорослей зелень
Прямые мачты оплела,
На мертвом замерли прицеле
Орудий длинные тела.

Истлели в башнях командоры,
Бугриста в ракушках броня,
И только стрелки на приборах
Горят, в далекий путь маня,

Показывая сезер с югом,
Фосфоресцирует компас,
А на часах, где цифры кругом,
Три года длится первый час.

Знать, в полдень или в полночь, может,
С огнем и дымом без труда
Перегородки покорежив,
В каюту ворвалась вода.

Но не о помощи взывая,
Радист, руки не сняв с ключа,

«Мы не сдаемся, умирая» —
В эфир настойчиво стучал.

На мачтах флаги полыхали,
Пока не скрыла их волна...
В суровой простоте печали
Сошла на море тишина...

1945 г.

С ДЕТСТВА
Я
ЗАПОМНИЛ

* * *

Над моим родимым краем
Посреди недвижных вод
В небе красным караваем
Солнце медленно встает.

И как будто бы с обрыва,
Чей — не вспомнить, как волна
С лодки крик летит счастливый:
«Люди, кончилась война!..»

Подчистую комиссован,
Не убитый, молодой
Над сиреневой, лиловой,
Над рассветною водой.

Я от солнца глаз не прячу,
В гимнастерочке стою,
Я стою, смеюсь и плачу,
Белый свет не узнаю.

А у нас в зеркальной шири —
Белый, розовый рассвет.
Тишина. Начало мира.
И войны на свете нет.

1945 г.

* * *

Цветет за окнами картофель,
Топорщит перья сизый лук,
Березки сгорбившийся профиль,
И тишина, и мир вокруг.
Да, мир настал, так непохожий
На дни войны. Но нам, видать,
И мир тот будет долго все же
Еще войну напоминать.
Пчела покажется за пулю.
Грохочущий сурово гром
Бомбежку в огненном июле
Напомнит, падая на дом.
Стрижами берег весь прострелен,
Как будто очередь вдруг
Вел пулеметчик, глаз нацелив,
С гашетки не снимая рук.
И полыхаются закаты
Над озером по вечерам,
Как будто вновь пылают хаты
По украинским хуторам.
Звезда летящая, комета,
Как звезды мертвые войны —
Шипящие в ночи ракеты
С чужой, немецкой стороны.
Березы, раненные будто,
Бинтами все перевиты...
И тишина любого утра,
Как перед штурмом высоты,
Когда кончают бой орудья,
И враг молчит, и все молчат,
И слышно вдруг, как дышат люди
И как сердца в груди стучат...

Нам мало в досталь отоспаться,
Шинели снять, прийти домой,
Чтоб мирной жизнью наслаждаться,
Не сравнивая мир с войной.
Лишь время зарубцует память,
И успокоится душа.
И взглянем мы на мир глазами,
Дней прожитых не вороша.

1945 г.

* * *

Вдохнула наконец легко
Земля, под пеплом оживая,
И стало видно далеко
Солдату в этот полдень мая.
Европу всю из края в край,
Америки далекий берег
И цепи журавлиных стай
Над деревушками под Тверью,
Туманы в лондонском порту,
Над Индией дожди косые,
Вот на какую высоту
Взошел солдат в родной России.

1945 г.

БЕЛОЗЕРЬЕ

1

Здесь ели, словно колокольни,
Подняли к облакам кресты,
И древней темнотой раскольной
Темны овины, как скиты,
И за раздольем трав духмяных
Болотных, рыжих и густых,
Над озером плывут туманы,
Плывет протяжный шум тресты,
Как гул молитвы староверской,
Сердца щемя глухой тоской...
О край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной.

2

Вновь над курганом Синеуса
Взошла червленная луна,
Над всею православной Русью,
Как круглый русский щит, она.
Пускай она в Тысячеверстье
Там, за Непрядвою-рекой,
Князей отважных белозерских
Прикроет сталью броневой.
Там небо скрыто в тучах чадных,
Крик над мамаевой ордой,
Князя выводят полк засадный...
О Русь, вот день победный твой.

3

На городском валу заплачу
И ветром слезы осушу,
Мне вдовый жребий предназначен,
Но на судьбу не заропщу.

Он спит на поле Куликовом,
Мой князь, мой муж. И Русь его
Качает на груди пуховой,
Возлюбленного своего.

А мне, как чайке, убиваться
Над озером, тоску тая...
Не сможет по Шексне подняться
Его узорная ладья...

1945 г. Июнь

* * *

В детстве в речке меня ловили,
Откачали, остался жить.
Парнем стал, в поход снарядили,
Шлем танкистский дали носить.

Пламенем два раза опаленный
(На газойле горит броня,
Клочья кожи летят с ладоней),
Я выскакивал из огня...

Все прошедший, огонь и воду,
Не в пословице, наяву!
Сколько лет, до какого года
Проживу?..

1945 г.

* * *

Огонь на поленьях сосновых в печи
 Костры на привалах напомнит в ночи,
 Далекую осень, раскат журавлиной трубы,
 Дороги солдатской судьбы.
 Мне очень тоскливо и горько.
 К чему — не пойму?
 Я сердце и душу махоркой
 Дсыму. Почему
 Ты писем не пишешь,
 Открыток не шлешь издали?
 Над черною крышей
 Прошли, рокоча, журавли.
 И умер огонь. Замолчала за стенкой вода,
 В рассветную сонь погрузились и в синь города.
 Сегодня я старый,
 И тысячелетняя грусть
 Ложится недаром ударом на сердце,
 Но пусть. Пусть ты обо мне
 Вспоминаешь не часто, не так.

Ерунда!

Огонь оживет. Заворкует за стенкой
 вода.

И годы пройдут журавлями,
 И канут вдали журавли.
 С годами отстану грустить
 И тебя затеряю вдали.
 Женюсь. Закажу себе трубку,
 Халат закажу.
 И осенью в группку
 Березовых дров наложу.
 И их разожгу, как костер,
 И, остер, огонь языкатый

Откроет далекий простор,
Солдатских биваков седеющий дым.
Молодым я стану. Из мрака
Ты к ним через дым
Придешь, будешь греться со мной у костра.
Пока непреложная полночь
Не скажет — пора.
И ветры не стукнут о ставни,
И ты не промолвишь: «Оставь мне
Здесь место — пора».
И я от души буду рад,
Что не встретился навек с тобой
И ты мне осталась
Такой молодой.

1945 г.

* * *

На фоне нарисованного сада,
Где статуи белеют и дворцы,
Четыре парня как-то снялись рядом,
Совсем еще безусые юнцы.
Они глядят восторженно с портрета
Вдаль из забвенья преданного дня,
И крайний паренек по всем приметам
Похож на непохожего меня...
Смешные, неуклюжие мальчишки,
Им даже в снах не снилось
В дым, в огонь шагать...
Жить, как тому не обучали книжки,
Спать на снегу, пить спирт и убивать...

1945 г.

* * *

Ну что судьба, ты на нее не сетуй,
Неповторимо наше бытие,
Она тебя вела по белу свету
И сохранила в тысяче боев.
Мир многоцветен, груб и многогранен,
В нем жажды до конца не утолить,
И не предвидеть ничего заранее,
И никогда не отхотеться жить.
Жить так, чтоб за спиной широкой вьюга,
Чтоб звездная метелица мела.
Морозы тундры, злое солнце юга
И день и ночь, горячий свет и мгла.
Чтоб рушилось и снова возникало,
Чтоб солью пропитался воротник,
Чтоб в руки въелась изморозь металла,
Огонь в тугие мускулы проник.
Чтоб шли деревья сильными ногами,
Чтоб плакали и пели поезда,
Бульжники гремели кулаками
И трепетала синяя звезда.
Чтоб где-то на сосновом полустанке,
В далеком и неведомом краю
Девчонка, босоногая белянка,
Вдруг загляделась в молодость твою.
Пройдут года, и с женщиной любимой
Когда-нибудь неправду ощутишь,
Ты вспомнишь полустанок, клубы дыма
И вновь о невозвратном загрустишь...
И вновь не будет на сердце покоя,
Тебе простор откроется иной:
Пить жар степей, смолистый запах хвои,
Цветов и трав томительный настой.

Лугам не сохнуть, не иссякнуть водам,
Не надышаться воздухом тебе,
Не запроситься на покой и отдых,
Не изменить товарищам в борьбе.
Они прошли по этой жизни просто,
В подкованных тяжелых сапогах,
Махоркой и соленым потом воздух,
Где шли они, на все века пропах.
Им было трудно, но путям спокойным
Они и в мыслях свой не предпочли
Жестокий путь, через труды и войны
Ведущий к счастью ясному Земли.
Их руки с узловатыми корнями
В суглинке и песчанике сплелись,
И не понять, корнями иль руками
Поднята ввысь ликующая жизнь.
И не понять, какие хлещут соки
По жилам медных сосен и дубов,
Где жизнь берет начало из гробов...
Взгляни на мир широкими глазами,
Завещанный друзьями, в смертный час.
И вот ты, весь его увидев, замер...
От полюса до полюса лучась,
Земля вертится, накренясь грозно,
И метлы пальм на тропиках с небес
Сшибают за полночь звезды,
И вздрагивает, в них сверкая, Южный Крест.
Дымятся горы, необычно юны,
Пьянит кристальный воздух, как вино.
За жемчугом ныряльщики в лагунах
С ножом в руке кидаются на дно...
Конь поднимался, рыжий ястреб падал,
На цыпочках качается трава,
И сквозь шторма таинственной привадой

Морепроходцев манят острова.
Геологи втыкали альпенштоки,
К отвесным скалам привалясь плечом,
И день вставал горящий на востоке,
Не кончившись на западе еще...
Костры горели где-то на привалах,
Ни на минуту мир не замирал.
Все в нем перекликалось, трепетало,
Ворочалось, сшибалось наповал.
Невпроворот свирепая живучесть
Бурлит на скалах, горяча.
Земля свою положенную участь
Несет, как солнце, на литых плечах...

1945 г.

* * *

Что-то в области сердца...
Умру не в постели,
На ногах, как солдат умирает в бою...
Смерть придет и пристрелит меня на панели,
Милицейские тут же меня отпоют.

Не хочу,
Чтобы мне подавали машину
Голубую с малиново-алым крестом.
Уберите от ног эти черные шины,
Я привык путешествовать только пешком.

Я умею ходить,
Поднимите меня, ради бога,
Столько лет я учился ходить по земле,
Столько знал я дорог,
Что последняя эта дорога
Нипочем, я дойду, хоть ее и не видно во мгле.

Не имеете права
Меня потрошить. Как вы смели!
К черту морги, в них пахнет,
Откройте в земле мою дверь,
Постучите лопатой,

Взломайте ломами...
В апреле
Не оттаяла почва,
Но вы потрудитесь теперь.

1945 г.

* * *

Слесари, танкисты и поэты,
Люди молодого ремесла,
В дымке бесконечного рассвета
Юность поднимает вымпела.
Мы на свете вечно новоселы,
Мир почти не обжит, сколько в нем
Нам еще орудовать веселым
Топором, лопатой и пером.
Будут новостройки и биваки,
Много пар сапог истопчем мы...
Бытия неведомого знаки
Звезды прорезаются из тьмы.
Настежь мир распахнут ветрам, ливням,
Громом ударяют небеса,
И летят ликующе-призывно
Дымных океанов голоса...
Мы еще на дальние планеты
Корабли Союза поведем,
Слесари, танкисты и поэты,
Мы на желтую луну взойдем.

1945 г.

* * *

Из комнаты светлой и тишины
Порог как мистическая черта,
Я выйду за дверь: ни звезд, ни луны,
А в воздухе духота.

Ночь непролазная, как тайга,
Выкальвает глаза,
Но где-то вода летит в лога,
Как поезд на тормозах.

Кричит заблудившийся пароход,
На мачте осколок луча,
И глухо двенадцать часов пробьет
Невидимая каланча.

В такое время из портов идут
С десантами корабли,
И рации в жарком, частом бреду
Зовут позывные земли.

1945 г.

* * *

На старый рубеж подо Мгою
Пришел на рассвете солдат.
Места отшумевшего боя
В тиши и туманах лежат.
Он здесь воевал в сорок третьем,
Но память была ни при чем,
Когда он увидел, как ветер
Взмахнул над лесами огнем.
В атаку высокие ели
Пошли полукругом вперед
В тяжелых зеленых шинелях,
Забрызганных грязью болот.
Косматыми взрывами сосны
Взлетают над черной землей,
В бинтах умирают березы,
Гремит нескончаемый бой.
А ели в атаку в долинах
Идут и идут на ветру,
И флагом багряным рябины
Над дотом горят на бугру.

1945 г.

ЗИМА

На Крюковом канале паутина
Осеннего прозрачного ледка,
И небо, опрокинувшись на спину,
В канале утопило облака.

Земля бела, в снегу идут трамваи,
Снежинок голубая кутерьма...
И за пять лет впервые наступает
Простая, невоенная зима.

Затопим печь. Забудем о разлуке,
Пускай мороз, пускай метель метет...
Никто теперь, дыханьем грея руки,
В разведку в этот вечер не пошлет.

1945 г.

* * *

Года пройдут, я перечту
Стихи в истрепанной тетради,
Далеким дум и лет мечту
Не просто любопытства ради.
Они напомнят юность вновь...
Мою солдатскую, простую,
Походов пыль, огни костров,
Жизнь боевую, фронтовую.
Пусть тишина тогда вокруг
Стоять неоценимо будет,
Но ветер боя и разлук
Меня тогда как бы разбудит.
Он от стихов пойдет прямой,
И мне захочется сначала
Все повторить в дороге той,
Все, чем судьба меня пытала.

1946 г.

* * *

Медленно вращается Земля,
И летят планеты по орбитам,
Молодой галактики поля
Мглою белесоватою покрыты.

А с Земли в упор на мир глядит
Человек упрямый и смятенный,
Сколько человеку предстоит
Дела в неизведанной вселенной?

Сколько проторить еще дорог.
И как будто в путь собираясь тут же,
Он подошвы пробует сапог
И ремень затягивает туже.

А под ним на полюсах поля,
Снегом освещенная и светом,
Медленно вращается Земля,
Не совсем обжитая планета...

1946 г.

О ЮНОСТИ

Я из юноши вдруг мужчиною
Не заметил, как стал в бою,
На болоте, где рвались мины,
Юность я потерял свою.
Или, может быть, под бомбежкой
(Самолеты бросались в пике)
Юность рухнула в подорожник,
Не оплаканная никем...
Лег я, взрывом в кювет опрокинут,
Два часа под огнем лежал,
Встал обстрелянным, злым мужчиною,
Кулаки по-солдатски сжал.
И ушел, погрозив оружием,
Землю с плеч отряхнув на ходу,
Позабыв о ней, как ненужной
В черном сорок первом году.
Хорошо б эту юность прежнюю
Где-нибудь на полях отыскать,
Посидеть с ней, хорошей, нежною,
Задумшевно поговорить.

1946 г.

* * *

Гаснет свет, экран голубоватый,
Как окно, откроется в стене,
Дым и песня. В ватниках солдаты
По степи проходят на войне.

Все, как в жизни, как не на экране,
Никаких величественных поз,
Вот один взглянул на первом плане,
Темноскул, обветрен и раскос.

А в глазах суровая усталость,
Он идет сутуловат, тяжел,
Тыщу ли ему пройти осталось,
Десять тысяч ли солдат прошел?

Он глядит на нас с экрана просто,
И, видать заметив аппарат,
Улыбнется, небольшого роста,
Снятый сбоку, издали, солдат.

Нам в глаза глядит, имея право, —
Равный равным, и он так велик,
Он гордится нашей ратной славой,
Забывая о своей в тот миг.

1947 г.

* * *

Болотный вереск на крови цветет
Не по преданью, а на самом деле.
Я не забуду сорок третий год,
Когда от крови здесь снега кипели.

Ползли полки под пули в рев пурги,
Колючее железо прогрызая,
От черной речки до пустынной Мги,
За пядь земли болотной умирая.

Одной ценой платили мы в бою
За ржавый мох и за сады Тавриды.
Мы не делили Родину свою,
Чтоб не было на нас у ней обиды.

Ты, вереском поросшая земля!
Недешево платила здесь пехота
За глинистые рыжие поля
И торфяные черные болота.

1947 г.

СТЕРЕГУЩИЙ

Там, где под снегом распаленным стынет,
Диковинная в северной стране,
Как парус каменный пустыни,
Мечеть на Петроградской стороне,

Есть памятник в отсеке корабельном,
Через кингстон, открытый на года,
Морозу неподвластна и метели,
Упрямо хлещет черная вода.

Летит поземка, замерзает камень,
Из дальних лет в бессмертье сыплет снег.
Открытое матросскими руками,
Там длится мужество и хлещет в новый век.

1948 г.

* * *

Без следа исчезну, только где-то
На земле дождинка упадет,
Перечтут мои стихи поэты
Да забудут имя в тот же год.

Что тогда стихи мне, что поэты,
Что телячий оптимизм юнцов,
Падают закаты и рассветы,
Умирают все в конце концов.

Только остается супесчаник,
Память, словно эхо мертвеца,
И глухие зори мироздания
Без начала вовсе, без конца.

Свет планет, холодный и туманный,
Счет познаний вечных и смертей,
В мир приходит человек незванный
И неожиданно подойдет к черте,

За которой темнота, вернее,
Нету света, нету темноты,
Не морозит там и там не греет,
В пустоте, где нету пустоты.

1948 г.

* * *

В грохоте ветров нельзя молчать,
Пусть не обессудят нас потомки,
Чтоб саму грозу перекрычать,
Научились мы словам негромким.

«Мама», «хлеб», «любимая» и «дом»,
Разве их не будет в жизни вашей,
В той, в которой вновь мы оживем
В громе слов, речей, фанфар и маршей.

В медсанбатах черных на снегу
Это их шептали, умирая,
На глухом, последнем берегу
Говорили: «мама», «хлеб», «друзья», «родная».

1950 г.

* * *

Коль будет трудно, я приду туда,
В ту рощу забинтованных березок,
Где спит в воронках рыжая вода
И черный танк в огне заката розов,
Пять лет прошло, а танк еще горит,
Трещат сухие сучья, как патроны,
И столб багровый северной зари
Стоит над башней черной, опаленной,
Я в ней горел, искал рукою люк,
Срывал одежду на снегу горячем,
Здесь мой солдат, мой закадычный друг
Стрелял из пулемета наудачу.
Да, я приду, и я опять смогу,
Коль с ног собьет, подняться в рост в ненастье,
Последнюю гранату — по врагу,
И словно в жизни пробиваться к счастью.

1950 г.

* * *

Говорят, что мы — поколение,
И что этим мы и славны,
Поколение — повелением
Высочайшим самой войны.
Ох, как трудно стать поколением,
Если мы бы не стали им,
Все закончилось поражением
И падением мировым.
Что ж, выходит, что поколением
Называют нас не зазря,
Поколение не год рождения,
Поколение — год Октября.
Поколение — фронты гражданские.
Поколение — гребни плотин,
А не просто по свету странствие
От крестин и до именин.
И живем мы, ничем не хвастая,
В этом нашей заслуги нет,
Только есть ощущение ясное
Не напрасно прожитых лет.

1952 г.

В СМОЛЬНОМ

Здесь Ленин жил в семнадцатом году,
За руки взявшись, молча, словно дети,
Ступая осторожно, как на льду,
Застыли экскурсанты на паркете.
Привычный голос женщины в тиши
Звучит и замирает, одиноко
Звучит, но не касается души,
Взлетевшей вдруг стремительно высоко.
Здесь, в комнате просторной и простой,
Работал Ленин, по ночам, бывало,
Здесь, в комнате просторной и простой,
Спал под солдатским тонким одеялом.
И так тому сама удивлена,
Какими-то ненужными словами
Про все про это говорит она,
Как будто люди все не видят сами.
Молчат рабочие и мужики,
Что тоже жизнь бивачную знавали,
Им эти вещи тем до слез близки,
Что Ильичу работать помогали.
А то, что Ленин получал паек
Такой же точно, как и все солдаты,
Известно всем, иначе он не мог,
Да и не мог он проживать в палатах.

1952 г.

* * *

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост,
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не видавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв

На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца, звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:

«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу, —
Не поздно пока еще, друг».

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

1952 г.

* * *

Когда искусство не было товаром
В тот отдаленный примитивный век,
Одетый в шкуры, наделенный даром,
К нему воззвал пещерный человек.
Он силой своего воображения
Создал охоты, пышные поля,
На скалах вдаль легко неслись олени,
Шел грозный мамонт, бивни закругля.
Он в них направил каменные стрелы,
Уверенным стремительным штрихом
Черта на камне, и стрела летела,
И падали олени кувырком.
Ему все это душу веселило,
И думал он, что горе не беда,
И сила эта новое сулила:
Да, он все может в мире!
Вот тогда...
Тогда искусство просто жизнью было,
Как сон, как солнце, как сама еда.

* * *

Я не люблю того, кто мир винит
Во всех своих печалях и невзгодах,
Кто, чуть чего, кричит: «А все они!..»
Неважно, кто они — кто люди, годы.
Мне кажется, я сам тому виной,
Что счастье просто затерялось где-то,
Что в мире меньше радостью одной,
Чем быть могло, и я виновен в этом.
В долгу перед друзьями и землей,
Мне в жизни никогда не расплатиться
За небеса, за тот последний бой,
За вдохновенье, за любовь, за жизнь, что длится.

1953 г.

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

В утра сумерке синем
Ворота открыты,
Молча лестницу вынес,
Поставил на плиты.

В старом ватнике что-то
Озноб бьет сегодня...
Но не сразу он
Древко сосновое поднял.

Постоял, будто не было
Силы решиться.
По глазам покрасневшим
Провел рукавицей.

Сжаты пальцы сухие
На дрёвке в кулак...
Как тяжел этот легкий,
Этот пламенный флаг.

1953 г.

* * *

Бывает, что время становится ветром,
Деревья и стены ломает, как свет,
Все дыбит, и лишь изначальные недра
В тиши пребывают, для них ветра нет.

Нет ветра. Понятно становится это,
Когда раскидает в коней бурелом,
Незыблемы горы, и чисты планеты,
Ничто не колышется, дали кругом.

Как было бы здорово, если б на свете
В обратном порядке мы начали жить:
К рождению от старости,
из дедов в дети,
И мир изменился б тогда, может быть.

Исчезли бы в нем все пороки и страсти,
И было бы легче весь мир изменить.
Ведь жажда познания вечна, как счастье,
И в мире одна лишь она должна быть.

1955 г.

* * *

Нет великих людей. Я сам
Гений и человек великий.
Землям, времени, небесам
Заплативший за это выкуп.
Кровью, сохнувшей на ветру,
И концлагерным потом жарким,
И истерия на смотру
Не отринет мои подарки.
Нет великих людей. Я сам
Распят был и воспет, как праздник.
Отвечаю всем праотцам:
Я не верю больше их сказкам.
Святцы лгали, и книги лгут,
Лжива медь монументов костных:
Нету в лбах семи пядей во лбу,
Потому что у всех по восемь...
Облетают, как струпьев сев,
Мифы ржавые, мифы шатки.
Был ничем, становлюся всем,
Ни пред кем не ломая шапки.
Мир зависел не от меня,
Будет мир от меня зависеть,
Я надежда его и броня,
Все глубины его и выси.
Станет шар земной в окоем,
Как медаль, с моим вечным ликом.
Я велик был в рабстве своем,
Становлюсь в свободе великим.

1955 г.

ПАРТИИ

На всех языках всех земных народов,
Бушуй, как всемирный океан,
Гремит неумолимей год от года
Твой лозунг: «Пролетарии всех стран...»
Как ураган, дыханье миллионов —
Уже не страны, а материки
Твой гимн «Вставай, проклятем заклейменный...»
Поют до заключительной строки.
Истории решающая сила,
Потемки лет бесстрашно осветив,
Ты миллионы душ в боях сплотила
И повела по верному пути.
Я знаю, как юны и неречисты,
Где пули пели, а не соловьи.
«Прошу считать отныне коммунистом...» —
Писали кровью сверстники мои.
Им так и не вручили партбилеты
Партийные собрания полков,
Но если б не они — то вся планета
Согнулась бы под тяжестью оков.
Уже стучит о ребра двух Америк
Марксизма побеждающая страсть,
Все больше мира старого потери,
Все меньше в мире капитала власть.
Ни тюрьмы не спасут ее, ни пули,
Солдатам Маркса в мире нет числа,
Какие б силы в битвах их ни гнули,
Бессмертны их идеи и дела.

* * *

С детства я запомнил это имя,
Чуть прищурясь, голову склоня,
Он глазами отыскал своими
Со страницы букваря меня.
Маленького рыжего мальчишку...
Я тогда одно лишь мог понять,
Что недаром, открывая книжку,
«Это Ленин», — мне сказала мать.
«Ленин умер», — мне она сказала,
Так впервые услышал о нем
Я тогда, когда его не стало...
И уже не забывал о том.
Много видел я в пути за годы,
Время помогало понимать
В радостях народа и невзгодах,
Почему так говорила мать.
Вглядываясь нынче, как впервые,
В жизнь Отчизны и ее мечты,
Вижу я прекрасные, живые
Ленинские вечные черты.
Всюду он: в размахе новыхстроек,
В слове партии и в правде дня...
Через год мой сын букварь откроет,
Будет он счастливее меня.

1956 г.

В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

1

По всем морям, материкам и кручам
Истории грохочет колесо
С тяжелым хрястом, с яростью могучей
От прадедов к сынам стезей отцов.

А я брожу по странам, где давно
Все по местам расставлено, по полкам
Оценено, в реестры внесено
И новых не предвидится осколков.

Здесь позабыли все про колесо.
Гигантский обод на незримых спицах
Ничто не крутит. Времени лицо
Бесстрастием и скукою томится.

И колесо колыхнется, скрипя,
Само собой не трогаясь ни с места...
Спят в громе городá, музеи спят,
Европа с сигареткой дремлет в креслах.

Что ей еще? Европа кофе пьет,
Все позади — чума и баррикады,
Концлагери, вожди, война, народ,
Грядущее... Ей ничего не надо.

Немнущийся терленовый пиджак,
Дымок над хрупкой чашечкою гнется.
И в рюмке, как янтарь, дрожит коньяк...
...Что будет, если колесо качнется?!

2

По случаю побед на той войне
Читают лекции пенсионеры.
Воспоминанья, словно символ веры,
Витают и восходят в тишине.

А за углом мальчишки пляшут твист.
Транзисторы на шеях, как планшеты.
Мир ходуном кидает вверх и вниз,
И места в нем для героизма нету.

Кому какое дело до войны,
Которая была до них когда-то.
Ракеты на весь свет наведены,
И вдруг о вечном мире дипломаты.

Мальчишки за углом танцуют твист,
Трассируют на камни сигареты.
Согни колени, вскинься, наклонись —
Качается, как тамбур, вся планета.

А памятники в розовом дыму
Плывут среди каштанов, как виденья,
Подобных никогда и никому
Не будут ставить новым поколеньям.

Воспоминаний пенсионный свет
Не оживит легенд в забытом храме.
Свистят подошвы узкие штиблет,
И холодно в жару под свитерами.

1956 г.

* * *

Все, что было давно, то сплыло,
 Вспоминать о том не хочу!
 Забываю что было силы
 И давно про войну молчу.
 Говорю молодым, неженатым —
 Вы талантливы, вы молодцы,
 Не за плату кладу им заплаты,
 А за то, что гожусь в отцы.
 Ведь когда нам было по двадцать,
 Не имели деньги цены,
 Нам не нужно было кривляться
 И не нужны были чины,
 Не стараться делать карьеру —
 Только встань под пули, ложись.
 Все отмерено равной мерою:
 Небо синее, смерть и жизнь.

1956 г.

* * *

Все мы дети атомного века,
 Реактивный рассыпает снег
 На хрустальный берег человека —
 Равный вымыслу двадцатый век.

Меркнут обветшалые иконы,
 И тускнеют золотые сны,
 Нас венчают страсти стадионов,
 Робость духа, бури тишины.

1956 г.

* * *

Голос первой любви моей — поздний, напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!.

1956 г.

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

Наши комсомольские билеты
С датами годов сороковых
Сохраняют памятные меты,
Жаркий отсвет пламени на них.

Синие поблекшие чернила,
Подписи комсоров полковых
Воскрешают незабвенных милых,
Русых, синеглазых, молодых, —

Тех дружков, с которыми делила
Молодость запевки и табак,
Тех дружков, с которыми ходила
Молодость на смерть в огне атак.

На снегу нетающем, примятом —
Русые, огнистые чубы,
Юные безмолвные солдаты,
Со звездой фанерные столбы.

А по горизонту свет холодный.
Свет ракет, текущих в вышине,
И вперед зовущий строй походный
Танков на дороге в стороне.

Наши комсомольские билеты...
Тронь страницы, и года встают.
Все в сукно армейское одеты,
И опять товарищи поют —

Молодые верные ребята,
Так и не узнавшие дружки,

Как ромашкой, донником и мятой
Веют руки милой у щеки.

Наши комсомольские билеты...
В них не меркнут жаркие костры,
В них плывут и падают рассветы
У железной Пулковской горы.

В них гремит по европейским странам
На Берлин катящийся волной
Гром победы, радостный, желанный,
В сорок пятом — памятной весной.

В них цветы и слезы той минуты,
Что пришла, как свет, наверняка
И огнем московского салюта
Землю озарила на века.

1958 г.

* * *

Старый снимок
Нашел я случайно в столе
Среди справок
В бумажной трухе, в барахле.
Старый снимок далеких,
Но памятных лет.
Ах, каким я красивым
Выл тогда на земле!
Шлем ребристый кирзовый
Да чуб в три кольца,
Зубы белой подковой,
Веснушки — что солнца пыльца.
Нецелован еще
И ни разу не брит,
Крепко через плечо
Портупеей обвит.
Вдаль гляжу я веселый,
Прислонившись к броне,
Среди сосен и елок,
На великой войне.
Светит солнце на траках,
Дымится броня,
Можно просто заплакать,
Как мне жалко меня.
Время крепости рушит,
А годы летят...
Ах, как жаль мне веснушек
Ржаной звездопад!

1958 г.

ЛЕНИН И ЧАСОВОЙ

Я слышал про вождя рассказ такой:
У входа в кабинет его рабочий
Поставлен был с винтовкой часовой,
Чтоб охранять его и днем и ночью.

Встал часовой, отважен и суров
(Приклад к ноге, штык у щеки шершавой),
От имени заводов и полков,
От имени полей и сел державы.

Встал у дверей на страже дум и дел
Того, кто жизни был его дороже,
Кто в кабинете за столом сидел,
Застыл солдат, на памятник похожий.

Он мог стоять бы годы и века
Вот так, не шелохнувшись, прям и светел,
Сверкала грань каленого штыка,
Перо скрипело в тихом кабинете.

Стоял солдат, довольный сам собой,
Что вот Ильич, его не замечая,
Ушел в свою работу с головой,
А он ему работать не мешает.

Но Ленин уж не раз, не два притом
Откладывал перо, дорожку мерил,
Потом взял стул свободный и бочком
Притиснулся к солдату он за двери.

«Вам тяжело стоять, прошу вас сесты!»
И все. К рассказу не прибавить слова,

Но что-то в нем, видать, такое есть,
Что тронуло не только часового.

1960 г.

* * *

Требуется сказка для детей,
В возрасте не младше сорока,
Для пронесших бремя всех страстей
На сердце своем наверняка!
Нет у них ни счастья, ни тепла,
Все, что было — было для людей, —
А у них опять же ни кола...
Требуется сказка для детей!
Все, как в сказке, делать им пришлось,
Город за ночь строить, как родить,
Брать жар-птицу на лету за хвост,
Огнедышащую гидру бить.
А у них опять же — ни двора...
Да не в этом, впрочем, суть сама.
Эта песенка для них стара,
Не нужны им были терема.

1960 г.

* * *

Мы не пытались в жизни окопаться,
Нас мало уцелело под огнем,
Мы думали немного отдышаться,
Но вот уже опять гремит подъем.

Выходим мы в последнюю атаку,
Как в сорок первом вышли в первый раз
По грозному пылающему знаку,
И мой сегодня наступает час.

Собраться надо, чтобы встать, подняться
И не крича ни здравствуй, ни прости...
Пускай совсем не так, как в восемнадцать,
Но надо встать, подняться и пойти...

1961 г.

* * *

Романтики двадцатого столетья,
Не на бортах крылатых каравелл,
Не на коне с клинком, где гром и ветер,
А в нашем дне за этот день в ответе,
Завиден и прекрасен ваш удел.
Во имя правды не страшась обиды,
Не думая о славе и чинах,
Вы от Тавриды и до Антарктиды
Повсюду на нетореных путях
За формулами вашего расчета.
Бессонными ночами рождена,
Звенит дорога звездного полета,
Могучим ревом дюз потрясена.
Где ложь, прикрывшись фразой демагога,
Грозится: не сносить вам головы,
Прокладывая истине дорогу,
Не дрогнете, не покачнетесь вы,
Романтики двадцатого столетья,
Я душу грел у вашего огня,
И не было отраднее на свете,
Чем этот жаркий трудный пламень дня.

1961 г.

* * *

Грешным делом, как прежде,
Душа занята,
До сих пор еще верится все же,
Что когда-нибудь будет еще высота —
Дух взахлест и мурашки по коже.

А года, как вода,
И когда-никогда,
Может, только аукнется в детях,
Были страны, окопы, моря, города,
Пусть-ка не хватает на свете.

Чепухи, от которой душе не теплей,
Кроме той, за одним исключением,
Только было б, наверно, на свете светлей,
Да и то не имеет значенья.

1962 г.

* * *

Люди веруют в поезда,
Люди веруют в города,
Люди веруют в реки серые,
В море синее и в суда.
Люди едут, летят, плывут,
Их все время дали зовут,
Люди счастья на свете ждут —
До ста лет на земле живут.
Поезда грохочут во мгле,
Города шумят на земле,
Горы синие, ветры сильные.
На кострищах угли в золе.
По морям плывут корабли,
Люди в воздухе — короли,
Не хватает людям земли,
Люди в космос уже вошли.
А Земля, как бубен, кругла,
А моря, как небо, пусты,
И от города до села
Дальше, чем до ближней звезды.
Бездна черная на пути,
Ни кола на ней, ни двора,
А они говорят: летим!
А они говорят: пора!
Люди думают: есть звезда.

1963 г.

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.
Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.
Жизнь прошла с тех пор.
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,
Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.
Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной.
Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.
Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.
Только бы его сейчас пройти.
Страшно ли? А как же, очень просто
С ревом треснет черная броня,

И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.
Только что́ в сравнении с Россией
Жизнь моя, —
Она бы лишь была
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.
Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук в снегу.
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.
А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка среди огня.
Как он там, в огне ревущем, верит
В мирного, далекого меня!
Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я из риска слова не скажу.
Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!
Он не хочет верить в поговорку:
Жизнь прожить — не поле перейти.
Там друзья, там поровну махорка —
Я ему завидую почти.
Надо встать и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.
Далеко не все добыты доты.
Время хлещет тяжело, люто, зло.
Только бы сейчас пройти болото,

Вот оно лежит белым-бело.
Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?
Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

1963 г.

* * *

Птаха малая песней заветной
Золотой осеняет зенит,
День над полем, над лесом, над летом
Знойным маревом в небе звенит.
Рожь невиданной стала стеною,
Васильками цветет тишина...
Почему же, как боль, с тишиною
Вдруг приходит команда одна?
Это не по уставу. Уставы
Не имеют команды такой.
Это право последнее правды,
Что навек остается с тобой.
В час, когда уже нечем сражаться,
Эту землю с рожденья любя,
Есть возможность сказать по-солдатски:
— Вызываю огонь на себя!.. —
Попросить. И, как будто бы маршал
Громовой отпечатал приказ,
Все стволы артиллерии нашей
Повернут и ударят тотчас.
Без пристрелки ударят картечью
И фугасами, словно в кино,
И сметут обступившую нечисть,
И зароят тебя заодно.
После вырастут буйные травы,
Люди рожью укроют тебя,
И забудут последнюю правду:
«Вызываю огонь на себя».

1965 г.

* * *

Хвала невзлетевшим ракетам,
Я их не хую, а хвалю,
Успех им, как небо, неведом,
Но я их за то и люблю.

Бессонные ночи до света,
Внушительный счет неудач,
Хвала невзлетевшим, отпетым,
Совсем неудачным, хоть плачь.

Без них бы иных не бывало,
И линии верной вовек
Нам не начертало лекало,
И к звездам не взмыл человек.

Все правильно, правильно это,
Но я их люблю не за то.
Хвала невзлетевшим ракетам,
О них не узнает никто.

1965 г.

* * *

Меняется движение светил,
И предстает в ином и новом свете
Во что ты верил, то, что ты любил,
Что видел ты и что ты не заметил.

Осталось измениться самому,
Но я довольно древнее явление,
Из глины той, что в пламени, в дыму
И жгли и мяли светопреставления.

Наотмашь тьма, и пламя наотрез,
Трещала атмосфера от давления.
Немало разных испытал чудес —
От гибели до чуда воскрешенья.

1966 г.

* * *

Не носят давно наград,
Забыли свои чины
Последние в мире солдаты
Отечественной войны.
Отечественной справедливой,
Вовек не будет иной,
На весь этот несчастливый
Единственный шар земной.
Исчислен, взвешен, измерен,
Быть может, накрыт с головой
Он как последний берег
Атомною волной.
Ни дна тебе, ни покрывки,
Ни мира тебе, ни войны,
Только сиянье вспышки,
Грохочущей до луны...
Только промельк ракетный...
Но сладко поет, как во сне,
На березовой ветке
Пеночка в тишине.
Где-то за дальним лесом
Ворочается аэродром
И стрекоза, как «мессер»,
Пляшет над поплавком.
В хрустальный полдень покоя,
Тревожа самим собой,
Входит мир, беспокоя
Неясной еще судьбой.

1966 г.

КОСТРЫ

Костры на площади Дворцовой
Плясали у разбитых рам,
Был Зимний ими атакован
И отдан настежь всем ветрам.
Как пламя среди темных статуй,
Летел над крышей алый стяг,
И в царских спальнях и палатах
Гремел красногвардейский шаг.
Перебивая запах боя,
Вниз плыл махорочный дымок,
Рассвет вздымался над Невою,
И целый мир заснуть не мог.
Когда отцы, достав кисеты,
Еще от боя горячи,
Среди картин, зеркал, паркета
Уже подумали в ночи,
Какую жизнь на белом свете
Они построят навсегда,
И позавидовали детям,
Взглянув в грядущие года...
Мы мерзли в топях подо Мгою,
Мы в сорок пятом, взяв Берлин,
Огни салюта над Москвою
До звездных подняли вершин,
На реках возвели плотины,
Мы встали, в космос путь торя,
Но с каждой новой годовщиной
В великий праздник Октября
Мы не скрываем восхищенья,

Завидуя отцам своим,
Их подвигу и их прозреньям
В ту ночь под небом грозовым.

1967 г.

* * *

Что знаю я о мире и войне?
Да ничего.
Как в травах льются росы,
Как бьет свинец по танковой броне...
А что еще?
Ты задавай вопросы.

Философ нос наморщит, как Сократ,
Политик соловьем залетит в пенье.
Ты уши раскрывай, он только рад.
Он полон весь глобальных обобщений.

Я знаю лишь подробности одни,
Я ими обожжен и зачарован,
Ты их забудь, но все же сохрани
Как найденную некогда подкову.

Когда-нибудь и зазвенит она,
И ты рукой коснешься строчки ржавой.
Есть мир на свете,
Но была война.
И кровью и железом пахнут травы...

1967 г.

* * *

Вот сесть за стол в притихшей комнате,
Забуть бумагу и чернила
И вспомнить разом все огромное,
Что на земле с тобою было.
Без позы, без того проклятого
Ответственного чувства «надо»,
Прорвав упрямо непечатанную
Глухую мертвую блокаду.
Чтоб встали рядом дни железные
В крови, как в ржавчине, в печали,
В знаменах, вздернутых в подзвездные,
Землей не знаемые дали...
Да я бы мог про слезы женские,
Про очереди в магазинах,
Про наши траты деревенские,
Пустынные в огнях рябины,
Я мог бы сыпать соль на жгучие
Незарубцованные раны,
Но ради подвига великого
Я делать этого не стану.

1967 г.

* * *

Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близкого чего-то стал бояться.
Вдруг оказалось — у меня душа,
И с нею надо, видимо, считаться.
Она не то что вымысел какой
Пиитов девятнадцатого века, —
Душа болит! Что делать мне с душой?
Неправда! Ей что делать с человеком?
Что делать ей, мифической, со мной?
Я семьдесят четыре килограмма,
Член профсоюза. Праведник земной.
А лгу и трушу только в крайнем самом...
Но взбунтовалась бедная душа,
Та самая, что еле-еле в теле,
И двинулась, все ложное круша,
Ко мне. Она другой не знает цели.
Меня она за шиворот взяла,
Тряхнула и поставила на ноги.
«Иди, будь тверд, верши свои дела
И знай: горшки из глины лепят боги.
Ты — бог, ты добр, ты храбр, и я с тобой,
Лепи горшки. Не предавайся лени,
И принимай неотвратимый бой,
И подымай упавших с четверенек.
Бессмертна я...»
Я подчинился ей,
Она — душа.
Считать я с нею надо,

И забывать о бренности своей,
И, кроме жизни, не искать награды!..

1967 г.

* * *

Та глина, из которой нас лепили,
Вся заскорузла. Времени ветра
Ее лупили и огнем калили,
На ней следы мороза и костра.
Но есть на ней не то что благодати, —
Запечатленной до скончанья лет,
Как родинка, среди борозд и вмятин, —
На ней цветка неразличимый след.

1967 г.

* * *

Не хочу я участвовать в той кутерьме —
В той, где каждый себе на уме,
Не хочу я выслушивать новости те,
Что сорока несет на хвосте,
Возвращаюсь к далекой поре, в те года —
Пусть не телом, а только душой,
В те, где «нет» было «нет»

и где «да» было «да»:
Пусть уж лучше забота о хлебе своем
Заполняет и ум и дела.

1969 г.

* * *

Не тяготит застольный разговор,
Щекочет нервы праздная беседа,
В ней мы, как боги, гордо смотрим с гор
На все, что там внизу, в долине бреда.

Теперь легко историю трясти,
Тасуя годы, словно карт колоду,
И мелочь фактов встряхивать в горсти,
Глядеться в них, как будто смотрят в воду.

1969 г.

* * *

Человеку очень много надо.
Он не зверь, не птица, не комар,
Но не меда, и не шоколада,
И не обуви пятнадцать пар.
Почему бы это, отчего бы?
Он умен, как дьявол, и хитер,
Отдавал и шоколад и обувь.
Плаху выбирал он и костер.
Он да свет. На глиняной планете
Больше ничего, пожалуй, нет.
Хочет очень многого на свете
Человек уже две тыщи лет.
Он один да святотатства пламень
Освещают путь в крошечной мгле
Над материками и веками,
На его единственной земле.

1969 г.

* * *

Я был солдатом в мае, в сорок пятом,
Тогда, как гром, настала тишина,
И мир пришел желанный, мне в награду
Окончилась проклятая война.
В последний раз взревели батареи
Уже о мире, а не о войне,
Я был в тот день на Волге и на Шпрее,
На Висле, на Дунае, на Шексне.
Земля землей и небо небом стали.
Хотя я не был богом никогда,
Я знал, что сотворил их в изначальном
В том смысле, словно бог, и навсегда.
Я вдруг услышал: медом пахнет воздух,
И листья трав трепещут на ветру,
А по моим щекам струились слезы
В тот день девятый мая, поутру.
Светило в небе, надо мной вставало
Мое светило в небесах моих,
Все было в мире. Только не хватало
Однополчан, которых нет в живых.

1970 г.

* * *

Живем на свете, как радары,
И в одиночестве своем
Ждем неизвестные удары
И сами вдаль удары шлем.
Ждем счастья, вздрагивая чутко,
Спешим на службу, кофе пьем.
С друзьями шутим и как будто
В заботах ничего не ждем.
Нас лишь вселенная волнует,
События в масштабах стран.
И не грустим и не ревнуем,
Исправно выполняем план.
Но поворот плеча случайный,
Чуть вздрогнувший далекий взгляд —
И день встает высокой тайной
И цепью далее и преград.
Привычный ход времен нарушен,
Лишь этот миг ждала она,
Душа! Спасите наши души!
Повсюду душ идет война.
В ней день вчерашний встанет, странен,
И непонятен новый день,
И вспомнишь сам: кого-то ранил,
Случайно, походя задел.

1970 г.

* * *

Ничему не научился,
А прошел войну, года —
Белый свет когда мутился,
Словно в трещинах слюда.

Дальше были повороты,
Открывался день, как век.
Говорят, что для полета
Создан небом человек.

У друзей менялись лица,
Ходуном ходила спесь, —
Мог бы и перемениться,
Но иду такой, как есть.

Ни о чем не сожалею,
А ведь мог бы сожалеть,
Стать умнее, жестче, злее,
Высоко наверх взлететь.

А куда лететь, куда там?!
Мир, не сказку о добре,
Подарили мне, солдату,
В сорок первом, на заре.

Мир — такой, могло какого
Очень запросто не быть.
За него сгорел под Псковом
Полк, меня учивший жить.

1970 г.

* * *

Все чаще с грустной завистью, все чаще
Я вспоминаю дальние года,
И о себе самом, как о пропащем,
Я думать начинаю иногда.

От запада до желтого востока
Пути мои легли по облакам,
Встречал я именитых и высоких
И на трибунах возвышался сам.

Фамилия моя нет-нет, да где-то
Мелькнет в газетах. И печалюсь я,
Что мало денег для семьи на лето,
Что дача далеко и не своя.

Что вот идут события мировые
Не так, как надо. Что тревожен свет,
Что я в докладе числюсь «и другие»,
Что слишком зол завистливый сосед.

А в тех годах, в тех даях,
о которых давно молчу,
Там все наоборот.
О бабах на привале разговоры,
И за Россию в бой уходит взвод.

Там все дороги, как ветра, свирепы,
Богатство — пара сменного белья,
Осьмушка табаку да пайка хлеба.
А что еще? А там еще друзья.

1970 г.

* * *

Мы говорим, задумываясь редко,
Что время беспощадное течет.
Как на войне: с кем бы пошел в разведку? —
А думать надо: кто с тобой пойдет?

Да, так и было. Встанешь с автоматом,
Кисет за пазуху — и на народ.
И говорилось: — Два шага вперед...

Все меньше, меньше остается рядом
Товарищей хороших и друзей
Не потому, что падают снаряды
Давно на территории твоей.

Скорей всего что ты не тот, который
Когда-то был, и в этом вся беда.
Металл заржавел, порастрачен порох,
И незачем ссылаться на года.

Крутые горки укатали сивку —
Не поговорка, мука — поделом.
Ах, не в разведку, в юность на побывку,
И запастись бы верой и теплом.

Тогда бы можно и не хитровато
— С кем я пошел бы? — молвить в свой черед.
А очень просто: — Кто со мной, ребята? —
И помолчать. И два шага вперед...

1970 г.

* * *

Конь плакал. Падала звезда.
Летели птицы в глубь заката,
И шли неведо куда
Себя забывшие солдаты.

Мир стал похож на водоем,
В нем, словно водоросли, мысли
Струились неживым огнем
И тучами печально висли.

Но где-то все-таки была
Граница воздуха и света,
Тончайшая, как гладь стекла,
День накрывающая этот.

Еще рывок, еще бросок,
И можно будет, можно будет
Пробить его наискосок
И, вынырнув, вздохнуть всей грудью.

1970 г.

* * *

Всю ночь за лесом где-то шла гроза,
И мне казалось, что на белом свете
Я молод вновь, как высказать нельзя,
И сплю на фронте в эшелоне третьем.
Возле дороги в травах и лозе,
Раскинув руки, ниц упав неловко,
Я сплю один, похоронив друзей.
Полк отвели на переформировку.
Горят на горизонте города,
Кричат дороги, пыль белей известки,
А мне не будет в жизни никогда
Спокойней, чем на этом перекрестке.
Как будто в древней песне — позади
Уже Россия за холмами где-то.
И на плече моем, присев, сидит,
Как на холме, птенец, теплом согретый.
Меня не будит ни орудий рев,
Ни марш пехоты, проходившей мимо.
Высокий день встает из-за холмов,
И солнце раздвигает клубы дыма
Из-за холмов, из-за моей спины,
Покрытой солью белой гимнастерки.
Кончается четвертый год войны,
И где-то дребезжат окошка створки.
А это все за лесом шла гроза,
Гром полыхал, и падали зарницы.
Слезами застилали мне глаза
Друзей погибших молодые лица,
Была душа тревогою полна,
Забывтые сильней болели раны,
И вспыхивала белая стена,

Печатавшая перекрестье рамы.
На горизонте вновь стоял пожар,
Крича летели вспугнутые птицы,
А я один, я без оружия, стар,
И даже пальцем не пошевелиться...

1970 г.

* * *

Мир, что остался позади, пожалуй,
Весь можно обозреть и без труда,
А что там, за последним перевалом,
Что впереди — не скажешь никогда.

Какие там тревоги и затишья,
Беда и радость, други и враги?
Прислушаешься — ничего не слышно.
Вглядишься — тоже не видать ни зги.

Где там твоя последняя отметка?..
И может, хорошо, что это так:
Идешь туда один. И не в разведку,
А навсегда. И твой он, каждый шаг.

1970 г.

* * *

...Ведь каждый был из них, как новая
Планета жажды и тоски,
Ревмя ревущая, ледовая
Синь неба, рвущая в куски.

На ней и солнца щит, как колокол,
На погребении гремит,
И дождь случайный, солон солоно,
А дальше новая летит.

Еще странней, неповторимее
В однообразности своей
Отчаянья, планета дымная,
И надо выстоять на ней.

Не потерять души звучание
Над новой бездной, на краю
Срывающегося сознания,
И верить в звезду свою.

1971 г.

* * *

Узнал я, право где и лево,
Где бог, а также где порог,
И цену пороху и хлебу
Давно усвоил назубок.

Но не пошла мне впрок наука
И грустный не помог урок:
Я принимал врага за друга
И ошибался сколько мог.

Ни перед кем не виноватый,
Не сват кому-то и не брат,
С корявым рылом, бородатый
Опять в калашный лезу ряд.

Зачем? Не знаю сам ответа,
Иду, потрепан, бит и мят,
Такая выпала планета,
А ей ведь в зубы не глядят.

1971 г.

ТВОЯ СУДЬБА

Какие будут времена?
Пройдут и канут наши годы,
Но ты останешься, страна,
Как откровение народа,
Какие там взойдут хлеба?
Какие выстроят строенья?
Но будет в них твоя судьба
Судом всего и озареньем.
Какою мерою еще
Придут события и числа?
Но солнце над твоим плечом
Пребудет золотым и чистым.
Да, было так, что клином свет,
А как там быть могло иначе?
Не перестать дорог и лет,
Ни слова не переиначить.
Но есть один завет, зарок,
Закон — как их ни обозначьте:
Смотреть вперед и думать впрок
О будущем, а не иначе.
И опыт нажитый беречь.
Весь до былинки, до крупицы...
Все чутче вслушиваюсь в речь,
Все четче вглядываюсь в лица.

1971 г.

НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

Вы верите в зеленые дворы?

Сергей Наровчатов

Я по мосткам скрипучим по дощатым
Прошел на лаву и через канал
На озеро, — там, где песок крупчатый
Когда-то белым пламенем пылал.

Там нынче валунов гряда лежала
И с озером мешались облака.
Шагнешь и в небо упадешь, пожалуй,
И камнем канешь в нем наверняка.

По горизонту, весь в огнях, как город,
К причалу приближался теплоход,
А рядом двое с тихим разговором,
Девичьи руки белые на взлет.

В камнях сплетались медленные струи,
Звеня копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Я слышал, в даях звякали подковы
И воинская плакала труба.
«Да где же это поле Куликово?» —
Звала тревожно девичья мольба.

Ответный голос плыл по глади водной.
Звучал вблизи, уже во мне почти —
«Да что ты, это конных переходов,
Считай, не больше двадцати пяти»,

Сошлись в ночи и годы и разлуки,
Я их не звал, а я их просто знал,
И я был юн, и над плечами руки
На берегу в предгрозые разнимал.

И сразу «мессера» над головою,
Трещал прошитый пулями большак,
Гудериана танки под Москвою,
Ростов оставлен, к Волге рвется враг.

Шли эшелоны в зареве багровом.
И где сходились небо и вода,
«Да где же это поле Куликово?» —
Звучало вновь, как в древние года.

И снова две зари передо мною,
Как жизнь назад, над озером горят,
Но уж не мы, а эти юных двое
Сейчас прощанье наше повторят.

Огни причала и огни простора
Сближала даль, как две цепочки звезд.
Сном праведника спал в березах город,
А мне в тревоге смутной не спалось.

В камнях сплетались медленные струи,
Звеня копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Казалось, вдруг сейчас раздастся снова,
Плеснет через разлуки и года:
«Да где же это поле Куликово?» —
Там, где сошлись и небо и вода.

МОНОЛОГ ВОИНА С ПОЛЯ КУЛИКОВА

*...Лежат князи Белозерски,
вкупе побиены суть...*

*Сказание
о Мамаевом
побоище*

Их четырнадцать было, князей белозерских,
Я пятнадцатый с ними,
Вот стрелой пробитое сердце
И мое забытое имя.
И стою я в полку засадном,
Вольный воин, как терний сильный.
Сотоварищи мои рядом,
Нету только еще России.
Нет России с песней державной
С моря синя до моря синя.
Ни тесовой, ни златоглавой
Нет еще на земле России.
Есть земель вековая обида,
Есть рабы, восставшие к мести:
Чем так жить — лучше быть убиту.

А для нас это дело чести.
Все сомнут мохнатые кони,
По степи помчат на аркане.
Но на нас наткнется погоня,
Ну а мы отступать не станем.
Конь мой гривой мотает рыжей,
Прыщут тучей на солнце стрелы,
Кычут коршуны, кружит крыжень,
А какое до них нам дело!
Как орда Мамаю качнется,
Как мы ляжем костью на поле, —
Так Россия с нас и начнется
И вовек не кончится боле.

1971 г.

РОВЕСНИКАМ

Опять придвинулись
И не дают вздохнуть
Года, которые мне были как награда.
В них просто умереть,
Как в небеса взглянуть.
А жить непросто,
Если жить как надо.
Я думал там,
Когда домой вернусь,
Забуду их и все начну сначала.
Поверю в радость,
Тишину и грусть,
И будет мне,
Как прежде, горя мало.
Но вновь придвинулись
И не дают вздохнуть
Года, как поле снежное с колючкой ржавой.
Люк закрываю,
Выбираю путь.
И никакого дела нет до славы.
Не шутки шутим —
На земле живем.
Ее железом били,
Кровью мыли.
И неужели мы с нее уйдем,
Как травы, без следа
И станем пылью?
Что травы — да,
Что станем — тоже да.
Но в нас витал
Свободы грозный гений.

Мы шли, освобождая города
И поднимая нации с коленей.
...За пятьдесят товарищам моим,
Им некуда от времени деваться,
Лысеющим, стареющим, седым.
А мне все кажется,
Что им по двадцать,
Гляжу на них и вижу те года,
Где шли они
Во всей красе и силе,
Когда была Россия молода
И судьбами ее
Они вершили.
Там в кирзовых планшетах
Вся она
Лежала поквратно на двухверстках,
Коричнева, желта и зелена,
Им во владенье отдана
По горсткам.
Что горсть ее?
Да — глина, да — песок.
Но сталь еще,
И кровь, и пот при этом,
И летний полдень ясен и высок,
Листва шумна,
И птицы свищут с веток.
Лысеющим, стареющим, седым,
С ней всем моим товарищам по двадцать.
Она, как соль
Для хлеба лет и зим,
Что и без нас ведь
Будут нарсждаться...

1972 г.

* * *

В ранней юности, в дальней были,
Не умевших еще любить,
Нас окапываться учили
И траншеи учили рыть.
Старшина не давал поблажки,
Над душой стоял — не ленись,
Без команды не пей из фляжки —
Так у нас начиналась жизнь.
Крепче в землю вожмись и вройся,
Белый бруствер укрой травой.
А потом ничего не бойся, —
Ты с землей, и она с тобой.
Та наука до пота и дрожи,
А потом на весь свет война.
Был большим оптимистом все же
Обучавший нас старшина.
Но опять его вспоминаю,
Я не вспомнил бы без нужды,
И причина тому иная,
Да не скажешь ей «подожди».
По годам я давно уж маршал,
А судьбой навсегда солдат.
Трудно в землю врываться с марша,
Но нельзя отходить назад.

1972 г.

ИКАР И ДЕДАЛ

Это было, считают,
Еще до Христова рождения даже,
С ног сшибая щитами,
Пробилась к упавшему стража.
Там, где люди в карьерах
Валились и мерли, как падаль,
Где никто еще с верой
В свободу не падал.
Распластались рабы на камнях
Со страху сначала,
Когда в небе весеннем
Икар появился с Дедалом.
Молодой появился Икар
И крылатый,
Солнца бронзовый шар
Головой закрывая кудлатой.
Всем лежащим у скал,
Как сардины на блюде,
Сверху он прокричал:
«Встаньте, люди!» —
Но крыло подвернулось
Под солнечным бризом,
Но земля покачнулась
И ринулась снизу.
Кровь смешалась с песком,
Закружились какие-то перья,
Он был всем им знаком,
Каждый в крылья поверил.
Не египетский бог возле скал
На земле распроклятой,
Раб, фракиец Икар
Умирал человеком крылатым.

Мысль пронзила навек
Даже ту оробевшую стражу:
«Сможет все человек,
Став крылатым однажды...» —
А Дедал?
Что Дедал?
Улетел. О Дедале забыли:
Ведь никто не видал,
Да, никто не видал
Его крылья...

1972 г.

* * *

Нас нет на свете. Мы трава и лес,
Свист пеночки и звон лозы в кювете,
Волны речной мгновенный, вольный плеск
И бьющий в лица на дорогах ветер.
Нас вырубал металл, огонь пожег.
Четыре года, вечности четыре
В пыль разносил грохочущий тротил,
И нас давно уж нет в подлунном мире.
За нас живут и любят, все за нас
Внимают слову, произносят речи
И ловят дождь в ладони в ранний час,
И женщин будят молча на рассвете...

1972 г.

* * *

Идея. Правда. Мысль или Мечта.
Кто знает, как еще она зовется.
Вокруг привычной жизни суета,
Но вдруг она сама тебя коснется.
Соседи спорят, радио кричит,
Она пришла — и разом все забыто.
Покоя нету от нее в ночи,
И нет пути среди дорог избитых.
Тревогой грозной и тоской томим,
О ней поведал вестник бородатый
Взыскующим товарищам своим
И захлебнулся донником и мятой.
В каком году, в какой земле, когда?
Кто был он, тот пастух, солдат, философ?
Мелели реки, гибли города,
И шли стада по желтому откосу.
А с ней потом, как с песней, на костер
Всходили люди и в огне молчали.
И языками пламени костел
Пылал над ними в каменной печали.
А может быть, звенел кувшин вина,
Смеялись синеглазые красотки,
И музыкой, нежданна и хмельна,
Она пришла случайно, как находка.
О ней писали золотым пером,
О ней молчали, отыскав в анналах,
И злобно вырубали топором,
И на заре о ней труба кричала.
Как юн и крепок этот вечный хмель —

Он сушит в жилах кровь, как будто ветер.
С ним нелегко. С ним даже дальше цель.
Но без него и счастья нет на свете.

1972 г.

* * *

Немало я по свету странствовал,
Я видел Запад и Восток.
На Западе бушуют дансинги.
Восток в колоннах сбился с ног,
Он на ходу колонны сдваивает,
Он строит домны и полки
И ходит на плацу в штыки.
Восток надеется на чудо —
Забыто Западом оно.
А небеса сини повсюду,
И солнце светит в них одно.
Нет Запада, и нет Востока,
Есть хлеба кус и крови вкус,
Есть горя круг и круг восторга,
Забот нерасторжимых груз.

1972 г.

* * *

Весь шар земной устал от той политики,
С которою в единый миг почти
Великие научные открытия
Его грозят на части разнести.

А пахарь пашет землю без политики,
И женщины рожают сыновей,
А вовсе не колесики и винтики
Для планов всех ее и всех затей.

Но над землей релейными метелями
Сквозь гром и лязг, наперекор судьбе,
Летит под вечер песня колыбельная
Не дальше окон в рубленой избе.

Вчера, сегодня, словно в дни былинные
И в дни предчувствий атомных тревог
Бесхитростная, тихая, недлинная,
Коротенькая — на один глазок.

Моря стихают голубыми взмахами,
Садится солнце красное в леса.
Над бурями, конфликтами и страхами
Плывет она, пронзая небеса.

За далями, морями, океанами,
У атомных орудий и ракет
Плывет над континентами и странами
Наперекор всему, всему в ответ.

1972 г.

* * *

Мне грустно. Я мерз у костров без обиды
И верил — недаром копчу это небо,
И счастлив лишь тем, что я видывал виды,
И сыт не единым, как водится, хлебом.
Мне грустно. Но вновь не дано повториться
В сверкающем мире, что будет вовеки,
Ни плеском ребенка над синим корытцем,
Ни всплеском весла, полюбившего реки.
Не будет прозрачного утра в печали
И в радости или в тревоге и грусти.
Уходят деревья в бескрайние дали,
Река уплывает в нездешнее устье.
Под облаком птица летит в беспредельность,
И камень-валун в придорожной канаве
Плывет неподвижно в иной понедельник,
В иное столетье, без всяких заглавий.
Мне грустно, но черное спаяно с белым
И левое с правым, и мир симметричен,
И нету у жизни и смерти предела,
А времени ветер не знает различий.
Метет он незримый, но видимый взору,
Срываются звезды, восходят растенья.
Метет, а в какие там дали, просторы —
Ни звука оттуда, ни эха, ни тени...

1972 г.

В ЭТОТ ДЕНЬ

С того рассвета в глубине России,
Где женщины одни и тишина,
Когда бежали, в окна голосили,
Стучали в двери: «Кончилась война!»
Вставало солнце под Берлином где-то,
Солдаты обнимались все в слезах,
Стреляли в небо, салютуя свету,
Деревьям, травам и лугам в цветах.
Не вспоминаю, а запоминаю.
Глаза на миг не отводя, гляжу,
Какой он, этот день девятый мая,
Я до конца о нем не расскажу.
Как города принарядились к маю,
Которые мы брали на войне,
На Висле и на голубом Дунае.
Сверкают этажами в вышине.
В Софии, в Праге или в Будапеште
На улицах знамена и сирень,
А если даже и не в мае вешнем,
Он все равно там длится, этот день.
Он всюду на путях земного круга,
Не перечислить всех его примет.
Он женщины улыбка, руки друга,
Рождение ребенка, смена лет.
Попробуй рассказать о нем словами,
Глазами увидеть его зенит —
Он колосится рожью, льет дождями,
Метет метелью, радугой звенит!

1973 г.

* * *

Европа покрылась жирком,
Полночные бары хохочут.
И опыт летит кувырком,
Чтоб не был помянутым к ночи.

Вновь за полночь где-то штабист
На карте кроит континенты,
История помнит моменты,
И время орет — оглянись!

Дешевле ситро динамит,
А хлеб все дороже, дороже,
От пагод и до пирамид
Мороз пробегает по коже.

И снова всплывает строка
Забытого всеми пророка,
Что Запад есть Запад, пока
Восток пребывает Востоком.

1973 г.

* * *

Ноги в руки, ветер в спину,
Как хотели и могли,
С Макаенком по Пекину
Мы однажды ночью шли.

Пусто в городе Пекине,
Все дома темным-темны,
Только звезды в небе синем
Над Пекином зажжены.

Два китайские солдата
Повстречались нам впотьмах,
Два знакомых автомата
Дулом книзу на ремнях.

Ни машин, ни пешеходов,
Ни китайских фонарей.
Молчаливо спят у входов
Морды каменных зверей.

В магазине на витрине
Только лозунги видны.
Пусто в городе Пекине...
Но у каменной стены

Два китайские солдата
Повстречались нам впотьмах.
Два знакомых автомата
Дулом книзу на ремнях.

Распахнулась, как пустыня,
Площадь главная вдали,

Так на площадь Тяньаньмыня
С Макаенком мы взошли.

Два китайские солдата
Повстречались нам впотьмах.
Два знакомых автомата
Дулом книзу на ремнях.

И тогда на Тяньаньмыне
Он сказал, как дипломат:
— Пусто в городе Пекине,
Все давно в Пекине спят...

Два китайские солдата
Провожали нас впотьмах.
Два знакомых автомата
Дулом книзу на ремнях.

1973 г.

В ШАНХАЕ

Узкие, как лезвия,
Черные глаза.
Что печально-трезво
Хочешь ты сказать,
Азия?
И разве я
Не могу понять?
Или надо, Азия,
На себя пенять?

Я стою, внимательный,
В городе Шанхае,
Я гляжу старательно,
Как небо полыхает,
Катит воды желтые
Хуамну-река,
Говорит: пошел ты,
Ну тебя в века.

Тысячи империй
Кануло во тьму,
Словно этот берег
В розовом дыму.
Где паруса над джонками,
От заплат пестры,
Плещутся, как желтые
Древние костры.

Там дома бетонные
Импайр Билдинг Стейт,

Тысячеоконные,
Как в копытах степь.
Каждый след, как лужицы,
Над кострами тает...
Набираюсь мужества,
На себя пеняю...

1973 г.

* * *

Христос распят, но жив Иуда,
И всходят над землей кресты.
На свете будет жить Иуда,
Покуда будут жить христы.

И молоток стучит со злостью,
Ища Христа среди людей:
Ведь надо же в кого-то гвозди
Вбивать, когда полно гвоздей.

Стучит старательно Иуда,
Летит серебряник на стол,
Ах, если бы случилось чудо
И все-таки Христос пришел...

Пришел не так, как приходили
Все возвращенные с креста,
А в здоровой памяти и силе
Ко всем, в ком совесть не чиста.

1973 г.

ПАМЯТНИК ТАНКИСТАМ В МУКДЕНЕ

Видел я в Мукдене
Камень в сто пудов,
На его ступенях
Никаких цветов,
Камешку в Мукдене
Двадцать пять годов.

Где тридцатьчетверка,
Что через Хин-Ган
Вел святой и гордый
Юный лейтенант?
Как его встречала
Азия! В ответ
Жизни обещала
Десять тысяч лет.

Камешку в Мукдене
Двадцать пять годов,
На его ступенях
Никаких цветов,
В городе Мукдене
Камень в сто пудов.

1973 г.

ГАРСИЯ ЛОРКА

*Художнику Андрею
Мыльникову*

Он убит и зарыт
При дороге в Гранаду.
Там и крест не стоит,
Да и, может, не надо.
Лишь колючки растут
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд,
Совершается праведный суд
И не скорый.
Неизвестно деревни название.
Нет холма, где лежит его тело.
Говорят, что в Испании,
Говорят, что в Испании
Было
Совершено это дело.
Даже имя давно
Там на родине всеми забыто,
И молчит она. Но
И молчит, потому что убит он.
Лишь колючки растут
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд,
Совершается праведный суд
И не скорый.
Не отринув позора,
Бежит ручеек безъязыко,
Поднимаются горы
В молчанье великом.
И беззвучно гитары

Бренчат в кабачках до рассвета.
Не обходится даром,
Никому не обходится даром
Убийство поэта.

1974 г.

* * *

Знаю я, что в мае, в сорок пятом,
Выиграв великую войну,
Маршалы завидуют солдатам,
Шедшим пешим ходом с автоматом
До Победы через всю страну.
Через всю Европу до рейхстага
Шедшим, совершая чудеса,
Как поется в песне, шагом, шагом,
Через реки, горы и леса.
И недаром, грустив, недаром
В тишине сосновой под Москвой,
Проверяя гранки мемуаров,
Маршалы последней мировой
Знают — нету на войне сражений,
Знают — есть солдатский крестный путь,
Чернозем и глина по колени,
Снег по пояс и вода по грудь.
Все охваты, клинья, контрудары,
Трижды свят, сам черт ему не брат,
Совершил бессмертный, легендарный —
Никуда не денешься — солдат.

1974 г.

* * *

Умер маршал. Нет, не умер маршал,
А навек вернулся в строй полков,
Тех полков, что под Москвою с марша
В бой уходят в пламени снегов.

С ним его бессмертные солдаты.
Дождь прошел высокий, как штыки,
Под Берлином в мае, в сорок пятом, —
Как они сегодня вдруг близки!

И опять, как в памятное лето,
Небеса июльские чисты.
Сняты с орудийного лафета
Медленно тяжелые цветы.

Полдень двадцать первого июня.
С музыкой нежданной марш-броска
Мимо угасающих петуний
Двигутся стремительно войска.

Может быть, успеют до рассвета.
Знаю я, они успеть должны.
Крутится стремительно планета,
Умер маршал мировой войны.

1974 г.

* * *

Ах, какой мы штурмом взяли город
На заре морозной в январе!
В нем сирень клубится, а не порох,
Дети в каждом доме и дворе.

Год мы этот город штурмом брали.
Над болотом с черною водой
Танки шли, горели, догорали,
Столбики вставали со звездой.

Музыка играет на вокзале,
В парке птицы на ветвях свистят,
Девушки с зелеными глазами
Пьют в кафе стеклянном лимонад.

Полк однажды вновь завел моторы.
За колонной хлынули ветра.
В рост, не нагибаясь, шли саперы
Там, где был передний край вчера.

Людям стало жарко на морозе,
Стлали гати, ставили мосты,
И гармошка драная в обозе
Жала на басы до хрипоты.

В окнах тыщи солнц встают с рассвета,
Улицы веселия полны,
Он красив и молод, как планета,
Никогда не знавшая войны.

Белый город с небосводом синим,
От позиций наших в давний год

Пять минут всего, пожалуй, ныне
Электричка до него идет.

Полк моторы заглушил, как умер.
Нам открылся город на заре,
Лишь стучал штабной морзянки зуммер
На заре вечерней в январе.

Ничего. Ни дома и ни дыма.
Ни души в округе. Падал снег
Медленно, бесшумно, нелюдимо...
День кончался, начинался век.

1974 г.

* * *

Когда это будет, не знаю,
В краю белоногих берез
Победу Девятого мая
Отпразднуют люди без слез.

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны.
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.

И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду,
Что было девятого мая
С утра в сорок пятом году.

1975 г.

* * *

Та землянка в волховских болотах,
Где я жил безбедно, не тужил,
Нынче стала болью тягомотной,
Стоном всех моих суставов, жил.
Там, над ней, в ночи горят ракеты,
Трассы пуль свистящие летят,
Где я сплю без задних ног, одетый,
Без забот и снов, как дети спят.
Плещется вода от взрывов тяжких
На полу, как в речке, подо мной.
Значит, мимо. Пронесло, промашка,
Это где-то по земле самой.
Я же сплю и ничего не слышу,
Ничего не чувствую в метель,
Фронт землянку подо мной колышет,
Но не сильно, будто колыбель.
Сплю да сплю, и пушки не разбудят,
В три наката крепок потолок,
Но не в нем причина. Будь как будет,
Путь далек, грустить не вышел срок.
...Ноют руки, поясницу ломит.
Просыпаюсь в ледяном поту
В мирном доме, тихом теплом доме,
Позабыв давно землянку ту.
На бок поворачиваюсь с хрустом,
Курево во тьме ищу рукой,
Тяжело, и муторно, и грустно,
И тревожно в тишине такой.

1975 г.

* * *

Слагая об армии оды,
Броню воспевая и сталь,
Я, словно в бинокль, через годы
Гляжу в легендарный февраль.
Что видится там сквозь походы,
Сквозь Брест в окруженье врагов,
Сквозь май сорок пятого года,
В котором на веки веков
На площади Красной колонны,
Великой Победы парад,
И вражеских армий знамена
К подножью трибуны летят.
Что там, за всемирною славой,
В далекой дали огневой,
За нынешней мощью державной
Ракетною и броневой.
А там, за метелью у Пскова,
Ни танков еще, ни ракет.
Винтовка в ладони багровой
И Ленина первый декрет,
Декрет о защите свободы.
Да в искрах мороза и льда
Впервые, как на небосводе,
На шлеме суконном звезда.

1975 г.

* * *

Стерпится — слюбится, все позабудется.
Старая песня не так уж проста.
Строились с песенкой этою улицы,
Да и побольше места.

Крутится, вертится, все перемелется.
Белый, как сказано, свет.
Это давнишняя старая мельница,
Ну а другой-то и нет.

Нету другой, и никак не предвидится,
Как ты умом ни раскинь.
Что там меж звездами может увидеться?
В громе безгласных пустынь?

Где там еще неподвижные движутся,
Белая тропка во ржи,
В небе льняном журавлиная ижица,
А на Онеге Кижичи?

Разве без них на муку перемелется
Вместе любовь и вражда?
Крутится, вертится старая мельница,
Не устает никогда.

1975 г.

* * *

Враг не может предать, как друг,
Видно, в гору пошла дорога,
Коль сужается дружбы круг,
А врагов остается много.
На вершинах я не бывал,
Мне они и сейчас не снятся,
Но встает впереди перевал,
Значит, надо мне подниматься.
По камням идти вперед,
Не искать дороги окольной,
Не вести пораженьям счет,
Не прислушиваться к болям.
Там, где ступит на снег нога,
Реже воздух и чище дали,
Нет ни друга там, ни врага,
Только ветер на перевале.
Только ветер да высота,
На которой ни разу не был,
Да, наверное, маета,
Что оттуда все дальше небо.

1975 г.

* * *

Я требую немногого,
Немногого хочу —
Планету за порогом,
Всю в солнце, как бахчу, —
В июле, с тишиною
Всю белую зимою,
Всю черную весною;
Да, может быть, травинку
С росинкой в желобке,
Травинку с паутинкой
Одну на сквозняке, —
Когда мой сын нестарый,
Да и немолодой,
Со мной прощаться станет,
Обросший бородой.

1975 г.

* * *

Теряю вкус к подробностям хмельным
Воды и суши
И вглядываюсь пристальнее в дым,
В людские души.

Прекрасные мгновения ловлю —
И удивляюсь,
Все больше, больше этот мир люблю —
И в том не каюсь.

1975 г.

* * *

«Крутится, вертится шар голубой» —
Глупая песенка из позабытых.
Вслед за охрипшей военной трубой
Рушатся в степи, как ливень, копыта.

Танковых армий натруженный рев.
В небе атаки стремительный росчерк.
В красные, синие крыши домов
С бомбовым свистом вбит пикировщик.

В шахтах тела маслянистых ракет,
Лампы компьютеров в дрожи экрана.
Памяти нет. Памяти нет
У равнодушия. Это ль не странно?

Памяти нету. И времени нет.
Гитлера танки, клинки Тамерлана
Или из космоса хлынувший свет?
Нам-то не все ли равно, как ни гляну?

«Крутится, вертится шар голубой» —
Глупая песенка так уж глупа ли?..
Нам лишь на это надежда с тобой,
Как наши предки на то уповали.

1975 г.

* * *

Май приносит дым воспоминаний,
Вновь над миром светится звезда,
Ждут свободы, поднимают длани
И горят в Европе города.

Дует ветер — молодой, весенний —
Гимнастерка на плечах дымна.
Молодость. Ни страха, ни сомнений,
Может, завтра кончится война.

И сиренью на шоссе — девчонка,
Юная, как младшая сестра,
Плачет и смеется у трехтонки.
Все — как будто было бы вчера.

Прошрое мешая с настоящим,
Ты глядишь, как в зеркало, в года.
Да бывал ли ты когда-то счастлив —
Так, как был счастливым ты тогда?..

1976 г.

* * *

Юлии Друниной

Где вязаи кронами сплелись,
В ущелье нелюдимом
Поставлен камень-обелиск
В лесу под Старым Крымом.

Был партизанский лазарет
Здесь две зимы, два лета.
Но никого на свете нет
В живых из лазарета...

Разведка шла через леса
Уверенно и споро.
По затесям, как по часам,
Пересекая гору.

Молчала спящая гора,
Под ней вода журчала.
Там медицинская сестра
В ручье бинты стирала.

В землянках маялись в бреду
От голода и муки...
Могли ли отвести беду
Девические руки?

Фельдфебель был из здешних мест...
Выслуживал, старался...
Он к ней один, наперерез,
Без «шмайсера» поднялся.

Был партизанский лазарет
Весь вырезан к рассвету,
И двадцать лет, и тридцать лет
Молчат леса про это.

И на могилах ни креста,
Ни имени, ни даты...
На всех державная плита,
Одна на век двадцатый.

Одна прощальная слеза
Из камня, из гранита,
Да только неба бирюза,
Да мир, ветрам открытый.

1976 г.

* * *

Стал я стар не душой, не телом,
И неведом покой душе, —
Дела главного я не сделал,
А пора уходить уже.

Остаются леса и доли,
Солнце в небе и города.
Светло-светлый мир и веселый,
Что вошел в меня навсегда.

1976 г.

* * *

Ах эти притчи во языцех!
Гудит от них двадцатый век:
Быть, зацепиться, утвердиться
И переплюнуть имярек.

И все же, как это ни странно,
Мир замедляет бурный бег,
Уходят гномы и титаны,
Стихают волны, сыплет снег.

Тысячелетие второе
Кончается, а что за ним?
Какие там грядут герои?..
Не ведаем, что сотворим.

И все же снег летит, ложится...
Забвенье, милость, смена лет...
Ах эти притчи во языцех
И белый, снова белый свет...

12 декабря 1976 г.

* * *

Я-то знаю наверно,
Эта ночь неспроста.
Снова, как в сорок первом,
Вдруг страшна высота.
Небо синее в небе,
Звезд движенье в ночи,
Все как будто бы небыль,
Только ты помолчи.
Помолчи и запомни
Этот год горевой,
Этот свод, что заполнен
Глубиной, синевой.
И забудь, как забыто
Все, что было мельком,
И крест-накрест забито
Как окно под коньком.
И огнистой березы
Ливень, грянувший ввысь,
И нежданные слезы,
Что ручьем пролились.
Где-то снова, как в поле,
Кони, травы, костры.
По какой доброй воле,
До какой там поры
Никому не известной,
Никакой, никакой,
Сказкой, старою песней,
Непонятной строкой...

1976 г.

* * *

Всю ночь ревело в бухте море,
Шли волны, словно поезда,
И одинокая в просторе
Мерцала, как маяк, звезда.

А может быть, патрульный катер
Меж волн взлетал и падал вниз —
На вахте в заданном квадрате
Вел поиск, несмотря на риск.

А море в берег било, било,
Как будто колокол во мгле —
И потому тревожно было
Всю ночь до света на Земле.

И не уснуть под этот грохот,
И бодрствовать невмочь уже...
А может, это ты, эпоха,
Всю ночь звучишь в моей душе?..

1977 г. Апрель

* * *

Все кончится. Уйдут пустые споры
И скорбь за рюмкой водки за миры,
Раздумий пресноводные озера
И женщин полуночные костры.
Останется лишь то, что ты однажды
Уже узнал, вися на волоске:
Неутоленная тоска и жажда
По небу и травинке на песке.

1976 г.

* * *

Вот и век кончается двадцатый,
Электрогитары у бедра
На ремнях, как будто автоматы,
Джинсы, продувные свитера.
Мальчики, юны и бородаты,
Бьют в упор крест-накрест перекатом,
Мир берут, как будто бы солдаты,
Словно автоматчики с эстрад.
Волосы на небеса раскинув,
Гнутся словно складень перочинный,
Не пригнешься — голову снесет.
Век двадцатый. Нет, не без причины
Песня криком разрывает рот...

1977 г.

ЗЕМЛЯ
ЛЕЖИТ
ЗЕЛЕНАЯ
НАВСТРЕЧУ

В ОГОРОДЕ

Топорщит перья сизый лук
На грядке в огороде,
Стою с ведром, смотрю вокруг,
Как зелень дружно всходит.
Вдали поднявшись, словно флаг
Над боевым парадом,
Пылает ярко-красный мак
С горошком светлым рядом.
Горошек закрутил усы,
Он выглядит гусаром,
Напившись допьяна росы,
Стоит вояка старый.
Все тянет к солнцу стебелек,
Цепляется за прутик.
Капуста смотрит и в клубок
Листочки в смехе крутит.
Но смех заметен не для всех,
Беззвучен он, как вечер,
Она рассыплет хрусткий смех
Лишь осенью под сечкой.

1938 г.

НОЧЬ

Давным-давно огни погасли в хатах,
А коростель скрипит, во ржи скрипит,
Над полем месяц, тонкий и горбатый,
Как будто серп, на гвоздике висит.
Хлеб жала девка, тяжело пояснице,
Окутал землю вечер полутьмой,
Серп на звезду ближайшую, как спицу,
Повесила и спать ушла домой.

1940 г.

* * *

По привычке дома не сидится,
Тянет в поле, лишь весна придет.
Вся земля за городом дымится,
В реках всех трещит и тает лед.

Я пойду подсматривать и слушать
Всех ветров рожденье, всех цветов,
Всех дождей и кваканье лягушек
Среди зацветающих прудов.

По горам пройду и по долинам,
На телеге с неба съедет гром,
И вожак из стаи журавлиной
Мне подарит для стихов перо.

1940 г.

НА РЕКЕ

Высокий берег прям и крут,
Ивяк сползает вниз по склону...
С утра малиновки поют
Над миром синим и зеленым.

Кувшинки, как следы зверей
Никем не виданной породы,
Они, должно быть, на заре
Прошествовали здесь по водам.

Тресты упругие ножи...
От радости, не зная страха,
Как очумелые стрижи,
Бросятся в реку с размаха...

А там в прозрачной глубине
Сиги проходят голубые,
Ерши с короной на спине,
Лещи, как плахи золотые...

И, все венчая, над рекой,
Как памятник, как некий бонза,
Рыбак уселся молодой,
По пояс отлитый из бронзы.

Ему подвластно все вокруг,
Он глубь реки лесой измерил,
Проверил тишину на звук,
И он в удачу свою верит.

1940 г.

ВОДОЛАЗ

В голубоватой мгле реки,
Как дождь серебряный, мальки
И длинных водорослей лес
Качается у самых глаз,
Реки сверкающий разрез
Увидел водолаз.
По дну, как будто водяной,
Идет он на задание
И раздвигает лес рукой
С особенным вниманием,
Над медной головой река
В голубоватых бугорках,
Идет он, наклонясь слегка,
В пудовых башмаках.
На это желтое плато
Ни разу не ступал никто,
Как на иной планете,
Идет он лесом этим.
Покой, ничем не нарушим,
Здесь пребывал от века,
В коронах золотых ерши
Глядят на человека,
Из-под коряги смотрит сом,
Свернувшись серым колесом,
И золотыми плахами,
Лещи сверкают бляхами.

1940 г.

КОПЬЕ

В окаменевшем дубе археолог
Копье нашел в суглинке глубоко,
Был камень отшлифованный, тяжелый
Насажен на крылатое древко.

Должно быть, это было состязанье
И предки днем на берегу ручья
Перед охотой детям в назидание
Метали копья со всего плеча.

Он, может, первым, может, напоследок
Копье метал. Силен был человек,
Из каменного века этот предок,
Копье закинул в наш двадцатый век...

1940 г.

* * *

Я сегодня вышел в ночь, влюбленный
В мир до самых отраженных звезд.
Не дергач скрипел во ржи зеленой,
То земная скрежетала ось.

Шар крутился, накренясь грозно,
Так, что сосны дикие в лесу
С неба заполуночные звезды
Сучьями сшибали, как росу.

Как ерши в воде густой, зеленой,
Стаями сверкая чешуей,
Шишек рыжеватых миллионы
В хвое проносились предо мной.

Чтобы ход иных планет подслушать,
Плеск морей и тайный трепет нив,
Волныши, как розовые уши,
Подняла земля, насторожив.

И казалось мне, что стал я тоже
Деревом косматым средь дорог
И по мне необъяснимой дрожью
Прянул жизни бессловесной ток!..

1940 г.

* * *

Где ядра раскаленных помидоров
С мохнатых стеблей шлепаются наземь,
Стучал кузнечик маленьким мотором,
Как робот, голенаст и несуразен.

Шли муравьи, закованные в латы,
Тяжелыми клешнями угрожая,
Как войска неизвестного солдаты
Мне в руку шпаги яростно вонзая.

Рогатый, как олень, с какой-то целью
Упрямый жук ворочал комья глины,
И пыль на металлическую спину
Ему ложилась, на зубах хрустели

Песчинки, как булыжник, жизнь кипела,
Точили листья гусеницы. Травы,
Топча друг друга, пробивались к небу,
Жить непременно все имело право.

Качалась на цветке и руки мыла
Оса, в трико с полосками одета,
А я, как бы на мир иной планеты,
Глядел на все и заслонял светило.

* * *

Когда качнется дымный берег
И чайки вдруг поднимут крик,
Хочу в неведомое верить
И думать вновь, что мир велик.

Что есть еще в туманной дали
Архипелаги, острова,
Каким названья мы не дали,
И что романтика жива...

Как мало нам бывает надо,
Чтоб вдруг увидеть мир иным,
Лишь ветра влажного прохладу,
На горизонте синий дым.

Тягучий всплеск волны веселой,
Такой же точно, как тогда,
Когда упорный Марко Поло
Повел в Атлантику суда.

Пусть будем мы в лесах, в пустыне
Давать названья городам,
Пусть много дел на свете ныне
Иным, моря повеют нам.

Мы скажем с завистью: ведь было —
Давали землям имена,
В неведомое заносило
Морепоходцев по волнам...

Что ж... Нам потомок дальний, может,
Познавший космос, звездолет,

Как к морю мы, он к лесу тоже
Однажды тихо подойдет.

Все так же будут в хвойной дреме
Шуметь деревья и трава,
И он решит, что мир огромен
И что романтика жива.

1945 г.

* * *

Что говорить, я не грущу,
И просто так, чего-то ради
Себя надеждой глупой льщу,
Как осужденный о пощаде.

О том, что ты придешь ко мне.
Как парус из морей далеких
На повернувшей вспять волне...
И пусть давно минули сроки.

И письма выцвели давно,
И ты мое забыла имя...
Что говорить, я все равно
Живу надеждами пустыми.

1945 г.

* * *

Мир безначальный, бесконечный...
Мы пассажиры на Земле,
Летим, а мимо свищет вечность,
Сверкая звездами во мгле.
Куда — уму непостижимо,
К судьбе неведомо какой,
И Млечный Путь, как лента дыма,
Блестит над самой головой.
Страдая, радуясь и мучась,
Пытливо напрягая ум,
Предугадать не в силах участь
Мгновеньями высоких дум.
Где дерзость выше человеческой?
Случайный гость коры земной,
В твои дела вмешаться, вечность,
Он хочет слабою рукой.
Все непреложные законы
Бескрайней вечности открыть,
Никем не созданное лоно
Самой природы изменить.
Он хочет стать творцом, какого
Привык сам отрицать, хулить.
Миры свергать единым словом
И сызнова миры творить...

1945 г.

НА ДОРОГЕ

Березка с желтого откоса
Нырнула в синюю реку...
У моста темный сруб блокпоста,
У семафора на суку.
Огонь, как яблоко, зеленый
Качается порой ночной.
Встречает горлинка вагоны
У стрелочницы молодой.
На грядках кочаны, как луны,
Шлагбаум — тесаный жираф.
Звенит в серебряные струны
О чем-то дальнем телеграф.
О жизни, что несется в скорых
Без остановок, по пути
И хочется вслед за которой
Пешком по шпалам ей уйти...

1945 г.

ЗАКАТ

Мир был оранжев, синь и розов,
За гранью видимой черты
Он был поэзией над прозой,
Раскинувшей свои мосты.

Шли облака, как волны газа,
Червонный оставляя след,
И вдруг над горизонтом разом
Зодиакальный вспыхнул свет.

Как будто покачнувшись странно,
Свод раскололся золотой,
Открылась дальняя поляна,
Сияя неземной травой.

Она неистово манила,
Восторгом душу цепеня.
В каких мирах, какая сила
Взрастила эти зеленыя...

Они цвели одно мгновенье,
Зазолотившись по краям,
Но красок новое смешенье
Все разрубило пополам.

Как будто кто-то электродом
Провел по щели стгоряча,
Сварив края литого свода
Огнем последнего луча.

И фиолетовую дымкой
Расплавленный покрывся свод.
То, подобравшись невидимкой,
Ночь из-за дальних туч идет.

И купол неба остывает,
Сияя вдаль и глубину,
И вот уж искры звезд взлетают,
Потрескивая, в вышину...

1945 г.

* * *

По небу падает тихо звезда,
Травы звенят под ногами в росе,
Что мне сейчас на звезду загадать,
Чтобы желанья исполнились все.

Танцы играет гармонь за рекой,
Моей вода камыши в тишине,
Месяц березовой желтой клюкой
Щупает черные камни на дне.

Вот погрущу, у реки постою,
Встречи с тобой помяну и пойду,
Да про рябину негромко спою
И, помолчав, закурю на ходу.

1945 г.

* * *

И вдруг нахлынет, вновь пойдут слова,
И тайный трепет вновь охватит душу,
И захмелеет разом голова,
И полночь вдохновенья не нарушит...

Быть может, предок дальний по реке
Плыл по утору и слушал скрип уключин,
Увидел дым становья вдалеке,
Холм, облака — весь мир в красотах жгучих.

И вдруг запел, и звук пленил его,
Заныло сердце неизвестной властью...
Вот так и ты — творишь, и ничего
Нет выше для тебя, чем это счастье.

1945 г.

* * *

Живу, как получается,
Один и налегке,
Весь дом мой помещается
В походном рюкзаке.

Во все четыре стороны
Открыты мне пути,
А я хочу нетореный
И пятый путь найти.

Хожу, где не положено,
Испытываю жизнь,
И пусть мне вслед прохожие
Кричат: «Чудак, вернись!»

1945 г.

* * *

А ночь идет, она уж на исходе,
Сурово одиночество мое,
Поет петух горластый гимн природе,
С насеста прославляя бытие.

Оно еще подернуто туманом,
Клубится, проясняясь, с высоты...
Предутреннюю дрожью на полянах
Охвачены намокшие цветы.

Сиги голубоватые в озерах
Ворочаются в водорослях, где
Бездомных звезд сухой, летучий порох
Взрывается бесшумно на воде.

Вот на востоке дрогнула завеса
Туманной мглы, и музыка звучит,
Издаюлка стремительно над лесом,
Как копыа, в небо прынули лучи.

1945 г.

Мне кажется, что я живу
Немало лет, немало весен,
И то, что прошлым здесь зовут,
Однажды с будущего спросят.
Мне кажется, что я опять
В году неисчислимом, древнем
Проснусь, чтоб жить, мечтать, страдать,
И пиво пить, и есть в харчевне.
Мир вечен, в вечности не раз
Дано мне снова повториться.
И то, что в жизни я сейчас
Познал, не боле чем страница
Из книги жизни, бытия.
Есть бытие, а остальное
Лишь только выдумка моя,
Как сам, как вы, как мы с тобою.

1945 г.

* * *

За слоем Хивсайда, за легкою пылью
Земной атмосферы безмолвье звучит,
Холодная вечность, дремучие крылья
Расправив, в мирах беспредельных парит.

Планеты плывут по орбитам с шуршаньем,
И где-то кометы, хвосты распустив,
Летят по путям громовым мироздания,
Маршруты, как шпаги стальные, скрестив.

Дороги еще не изведаны эти,
Но время идет непреклонной судьбы,
Придет человек — от планеты к планете
Протянутся вдаль верстовые столбы.

1946 г.

* * *

За Вологодой метели с бубенцами,
Летят, поют живые голоса,
И где-то за горами и лесами
Спокойно спит душа моя краса.
Я песню-сказку выведу к воротам
На голубой дорожный поворот,
Она стоит, готовая к полету,
Копытом тонким скалывая лед.
Звезда упала молча у порога,
Под кем-то тихо скрипнуло крыльцо,
И развернулась скатертью дорога,
Пахучим припорошена сенцом...

1946 г.

* * *

В ночи трепещет тонкая мембрана.
И слышим мы, к наушникам припав,
Как из пучин ночного океана
Поет нам голос, душу спеленав.

Как бы очищен от всего земного,
Тоскует он на страшной высоте,
К Земле радиостанциями прикован,
О дальней межпланетной стороне.

Но нет ответа с Марса и с Урана,
Немы планеты на краю орбит.
В ночи трепещет тонкая мембрана,
А космос молча звездами пылит.

1946 г.

* * *

И если я тебя не встречу,
Я выдумаю наугад
И жаркие крутые плечи,
И косы длинные до пят.

Из света легкого, из зыбкой
Мечты, неведомой иным,
Я сам создам твою улыбку
И не отдам тебя другим.

И ты войдешь по всем приметам,
Я верю в рождество твое,
Как дождь в засушливое лето,
В мое навеки бытие.

Несостоявшиеся весны,
Сожженные в огне войны,
Вдруг засверкают в травах росных,
Для нас с тобою созданы.

Нам будет вновь по девятнадцать,
Не тронутых войною лет,
Я все забуду, может статься,
Забуду тьмою бьющий свет.

1946 г.

* * *

Невтерпеж ходить по осени,
По булыжной мостовой,
Столковались ноги до смерти
По дороге полевой.

Вся земля в гранит закована
И асфальтом залита,
Сталью рельс перелинована,
Не житье, а маета.

Сруб веснушчатый, бревенчатый
И тесовое крыльцо,
С тишиной навек повенчанный
Мир мой, дедов и отцов.

Там затопят печку рыжую,
Награжденный самовар
Будет петь, сверкать и пыжиться,
Испуская чайный пар...

1946 г.

* * *

Узкий месяц легок на воспомине,
Золотою лодкой из-за туч
Вдаль плывет торжественно на синем,
А земля, как камень бел-горюч.

До вершин занесена снегами,
Холодна, пустынна и кругла,
Голубыми легкими тонами
На равнинах серебрится мгла.

Где сугробов голубые башни
До небес не достают чуть-чуть...
Будто дымный след пурги вчерашней,
Распластался длинный Млечный Путь.

Затеряться б в праздничном сиянье
И потом еще раз, в век иной,
Пролететь над спящим мирозданьем
И погаснуть на земле звездой...

1946 г.

* * *

Плывет далекая луна
По горизонту парусом,
Идет высокая волна,
Исполненная ярости.

Взлетают брызги до луны,
Гремит вода камнями,
И нету в мире тишины,
А только есть движение.

И только ярость, только гром
И ветер, вплоть до полюса,
И только волны под дубком
Как бешеные колются.

Дубок летит, дубок поет,
Стучит вода по дереву...
Рыбак который час плывет
К невидимому берегу.

Он ветер в парус завожжил,
Он руль вонзает в озеро,
Чтобы брезент, как лебедь, жил,
Чтоб в сторону не бросило.

А в лодке груды серебра
Живого и тяжелого...
И нипочем ему ветра
И волн литые молоты.

Любая буря по плечу
Ему, большому, строгому...
Вот так и я лететь хочу
Своим путем-дорогю...

1946 г.

* * *

Пусть оборот вокруг оси
Земля спокойно совершила,
И прошлого не воскресить
Уж нами никакою силой.
Я все ищу вчерашний день,
Любые принимая меры...
Клубит по-прежнему сирень
По палисадникам и скверам,
Твой след, впечатанный в песок,
Давно исчез с дорожек сада...
Его сегодня пересек
Рассветный ветер без пощады...
А я хочу, чтоб миг любви,
Весь мир вращающая сила,
Вспять шар земной оборотив,
Из прошлого мне возвратила.

1946 г.

* * *

Нам уходить от милого порога,
Не возвращаясь много лет домой.
Опять под ноги падает дорога
И остаются версты за спиной.
В лицо подул старинный ветер странствий,
Забудь былое и иди вперед,
Звезда мерцает в голубом пространстве,
Но, может, не мерцает, а зовет...
Гремят мосты, и наступают сроки
Нежданных встреч, негаданных друзей,
Жизнь — это путь, суровый и далекий,
Невыдуманных песен и страстей.
И если есть в конце его береза,
У каждого та, под которой лечь...
Забудь о ней, живи легко и просто
И не тумань печалью радость встреч.
Есть в трепетанье наших рощ зеленых,
В ночных огнях далеких городов,
В березах белых, красноватых кленах
Дух вечной жизни и бессмертных снов.
Учись у сосен гордому упрямству,
Беспрекословно пробивайся ввысь
И сохрани крутое постоянство
В любви к Отчизне и земли держись.
А если смерть негаданная встанет,
Гляди в глаза, не отводи лица
И твердо стой на самой страшной грани
Жестокого, но славного конца.

1946 г.

* * *

Зеленые звезды встают над ночлегом,
Огромные звезды осенней поры,
В степи журавлями курлычут телеги,
И росы колючи, и травы остры.

Земля наплывает из тьмы лиловатой,
Простор, словно парус, от ветра гудит,
Над степью туманной, над ночью косматой
Упрямая вечность угрюмо стоит.

Миры колобродят, и космос наполнен
Шипеньем и треском далеких планет,
Гремучих громов, искрящихся молний
И сил неизвестных до времени лет.

И мне не до сна. Этой ночью тревожной
За дверью не скрыться, не спрятаться в сон,
И ночь меня манит в простор невозможный,
Где ветер и музыка на шесть сторон.

Кузнечики в травах сегодня взбесились,
И бьют в барабаны, и точат клинки,
Никто не сдастся другому на милость,
Идут муравьиные где-то полки.

И травы воюют и лезут сквозь гравий,
Земля, как в испарине, в крупной росе.
И реки бросаются слева направо
И бьют кулаками по рыжей косе.

А отмели лезут и сыплют песками,
Ползут с лозняками с обеих сторон,

И берег в реку опадает кусками,
И сосны бросаются ветру в обгон.

Прислушайся, где-то под толщей породы
Гранитов и гнейсов, подобной броне,
Где, в пар превращая подземные воды,
Клокочет расплавленный мир в глубине.

Тяжелый бурлит оливиновый пояс,
И жидкое золото с ртутью кипят,
Ядро пронизая упрямо земное,
Упругие токи, столкнувшись, бомбят.

Взрывается все, и не может взорваться
Навыорот, нахлест и наугад,
И силы подземные, силясь прорваться,
Лишь пеплом и плазмой на землю летят.

1946 г.

* * *

Падают закаты и рассветы,
Горизонты с четырех сторон...
Вечер темен, летний полдень светел,
Непреложен бытия закон.

Я знаколюсь с мудрою природой
По первоисточникам с утра,
Рву цветы, беру в ладони воду,
Проверяю легкими ветра.

Нагибая тонкие лесины,
Захожу благоговейно в лес.
Он мне и запасы древесины,
И собранье всех земных чудес.

Вот черносмородинной картечью
У реки обстреляны кусты,
Но не в землю падают, а в вечность
Ягоды с негромкой высоты.

Чудеса творятся повсеместно,
Непрерывно, всюду. Из семян
Жизнь встает зеленая отвесно,
Тесно ей на площадях полян.

И она вступает храбро в воду,
В глубь зеленоватую, во тьму
Запускает корни и восходит
Вертикально вопреки всему.

Всюду жизнь, зеленые равнины
Камень пробивают в тишине,

Сосны, как земные исполины,
Сучьями сцепились в вышине.

Не переставая удивляться,
Я иду через леса, туда,
Где в дыму без остановок мчатся,
Сотрясая землю, поезда.

Где летят груженные платформы
С тесом и железом, словно гром,
Вслед за паровозом тонкогорлым
С шарфом синеватым над плечом.

Там, перед рекою приседая,
Ввысь взвились пружиною мосты,
И, высоко руки поднимая,
Смотрят семафоры с высоты.

Женщины проходят мне навстречу
По дороге, пыльной и сухой,
Руки их, открытые по плечи,
Опалил густой июльский зной.

Сильные, большие ноги босы,
Груди поднимая высоко,
На плечах покачивая косы
С граблями, идут они легко.

Пахнет медуницей, молочаем,
Травами душистыми от них...
Трактористов черных я встречаю
У машин железных и стальных.

Воду заправляя в радиатор,
Парни пьют из круглого ведра,

Отдуваясь, славные ребята
Говорят степенно: «Вот жара...»

1946 г.

* * *

Не забыл я тебя,
Но грустить не грущу, не тоскую...
Просто ветры трубят,
Просто где-то кукушка кукует.
Дождь прошел стороной,
В небе радуга разом повисла
Над березкой лесной,
Надо мной золотым коромыслом.
Показалось мне просто,
Что все это было, все было,
Дождь, кукушка, березка,
Что ты обо мне не забыла...
Просто девушка встречная
Мне озорно улыбнулась
С золотого крылечка,
И вдруг без причины взгрустнулось...

1946 г.

* * *

Снова где-то плачут коростели,
Желтая разрыв-трава шумит,
Умер день, упали тени,
Дождик застоялся у ракии.

Снова я от грусти непонятен,
Смутные надежды растеряв,
Не ищу на свете благодати,
Слушая предсмертный голос трав.

Лето, лето, ты не время года,
Протестую, требую, молю,
Не сдавайся лютым непогодам,
Жизнь и свет, я так тебя люблю.

Знаю, по весне поднимут снова
Новые цветы свои глаза,
Не хочу пришествия иного,
Пусть гремит вновь летняя гроза.

Мир в жестокой смене всех явлений,
Что ж, тебя приветствую таким
За чреду несчетных обновлений,
Зная, что и сам я проходим.

1946 г.

* * *

Это так повелось уж от века,
Телескопы подняв к небесам,
Злая жажда томит человека
По неведомым звездным мирам.
И настанет тот час, несомненно,
Годы медленно строем пройдут,
Корабли по планетам вселенной
Поселенцев с Земли разнесут.
На Венере иль Марсе багровом,
Полон разных трудов и забот,
Следопыт, колонист из Тамбова,
Непременно Тамбов оснует...
Но однажды на дальней планете
Повстречаются парни, тогда
Перед ними в туманном рассвете
Голубая возникнет звезда.
Пыль космических странствий стряхая,
Кто-то скажет в предутренней мгле:
Как там наши друзья поживают,
Кто там пишет стихи на Земле...

1946 г.

НОЧЬ

Петух грудастый прокричал спросонок,
В хлеву с навозом смешан запах нив,
Во сне вздыхает глупенький теленок,
Жует корова, и комар звенит.

Хозяин спит с хозяйкой на полатах,
Окончен день, и току отдых дан,
И к ребятишкам рыжим, чернопятым
Приходят сны из неизвестных стран.

Деревня спит, домишки сбились в кучу,
Поблескивают крыши, как хребты,
Под месяцем рогатым и колючим,
Глядящим на деревню с высоты.

Но где-то возле сельского Совета
Еще играет вальсы гармонист,
Еще не все частушки перепеты,
Не все с парнями девки разошлись.

У гармониста на груди медали,
Про Венский лес играет вальсы он,
И девушек, что Вены не видали,
Притихшей стайкой парень окружен.

Гармоника кирилловской работы,
По-русски Штраус у нее звучит,
Недаром за рекой, за поворотом
Лес вологодский, сказочный стоит.

В густом лесу спокойствие нарушить,
Покачиваясь, травы не велят,

Волнушки, словно розовые уши,
Насторожила рыжая земля.

Деревья узловатыми руками
Поддерживают небо, и из трав
Поднялся месяц желтыми рогами
Над комариным звоном переправ.

И валуны мохнатые, как совы,
Глядят во тьму, в сиреневую муть,
И соловьям в кустарниках лиловых,
Ликующим в ночи, не продохнуть.

Сиги голубоватые в озерах
Ворочаются в водорослях, где
Бездомных звезд взрывающийся порох
Бесшумно угасает на воде.

По сосенкам чешуйчатые шишки
Запутались, как рыжие ерши,
Грибы — толстоголовые мальчишки —
Собрались в кучу и сидят в глуши.

Ползет трехтонка не дыша по скатам
Громоздкой необмеренной горы,
Таинственные следы лунных пятен
На ней запечатлелися, пестры.

По ним, бесшумно лапами ступая,
Выходит волк из чащи, под луной
Вся шкура глянцевито отливает
То голубой, то золотой водой.

Как леший, где-то филин прохочет,
И вновь ничем, ничем не нарушим

Торжественной, неповторимой ночи
Покой дремучий сказочной глуши.

1947 г.

* * *

Вот звезда покати́лась ранняя
Очень близко, рукой подать,
По преданию, я желание
В этот миг могу загадать.

И оно непременно сбудется,
Так уж люди все говорят,
Что-то в этом хорошее чудится,
Видно, звезды не зря пылят.

Что задумаю — жить до старости,
Может, тыщу друзей иметь,
С поездами дружить и с парусом,
А настанет час, умереть.

Так чтоб люди сказали искренно:
Жил, весь век не кривил душой,
Жизнь любил, хоть немало выстрадал,
И хотел бы пожить еще.

1947 г.

* * *

Утрами травы розовеют в росах,
Дымятся реки, и шумят сады,
И на лесных заброшенных покосах
Отчетливы сохатого следы.

Он рвал осоку влажными губами,
Валялся в травах и ушел в леса,
Покачивая медными рогами,
Прислушиваясь к птичьим голосам.

Там в чаще дикой, в прошлогодней прели
Кровь костяники, черепа грибов,
И колокольни голубые елей
Гудят над ним и без колоколов.

Ведет тропа к заброшенным озерам,
Горит на поймах изумруд-трава,
Там скрыт от мира Китеж — город
На зыбких, будто морок, островах.

Восходит лось к широкому простору,
Глядит, не пьет, тревогой обуян.
Пред ним сосновый возникает город,
Окутанный в сиреневый туман.

Он окружен высоким частоколом,
Светлиц и звонниц острые верхи,
Но вот за сотню верст в далеких селах
Вдруг запевают третьи петухи.

И постепенно Китеж-город тает,
С востока ветер, зыблются дома,
И с ключьями тумана улетают
Неведомой постройки города.

А с морды зверя тихо по шерстинкам
Стекают капли, и уходит он,
Меж сосен выступая по тропинкам,
Как будто между бронзовых колонн.

1947 г.

* * *

Над городом синие тени,
Закат отгорел и погас,
И света и тени смешенье —
Какой-то особенный час.

Какой-то торжественный сумрак,
Какая-то на сердце грусть,
О светлом, несбывшемся думы,
Знакомые мне наизусть.

1947 г.

* * *

Тишина, приходит вечер росный,
Облака бесшумные летят,
И о чем-то еле слышном сосны
Непонятым голосом твердят.
Соснам что, они ни злу, ни грусти
Не подвластны в этой тишине,
Споры об идейности в искусстве
Оставляют сосны в стороне.
Ну а где-то в тайных кабинетах
Уже бредят новою войной
И дальнобойные ракеты
Секретно копят под земле ..
Сосны все шумят да тянут ве ви к тучам,
И на все им в мире наплевать,
Забирают год от года круче,
Знать, им сверху далеко видать.
Говорить, как люди, не умеют,
Лишь шумят они в вечерней мгле,
Есть у них высокая идея —
Просто жить на радость всей земле.

1947 г.

* * *

Поют невидимые птицы,
Деревьям шевельнуться лень,
И знойным маревом струится
Спокойный и пустынный день.

Идет дорога полевая
И счет следам весь день ведет,
По ней неспешно проплывают
Возы тяжелые вперед,

Прямые ленты оставляя,
И полумесяцы подков,
И с правого обычно краю
Следы хозяйских сапогов.

Грузовичок пахнет бензином,
Узор, как птичий след, хитер,
С горы спускается в низину
И вновь бежит на косогор.

Вот трактора — прямой глубокий
След отпечатанный, под ним
Велосипеда змейка сбоку
И лунки пяток ребятни.

Читай дорогу, словно повесть
Об этом крае, что иным
В траве, в густых лесах по пояс
Покажется пустым, глухим.

1947 г.

* * *

Под солнцем дожди громыхают,
Клубится сиреневый дым.
И радуга встала крутая
Земли продолженьем цветным.

И в воздухе пух тополиный
На тысячу верст разнесен,
Вновь знамя багровое вскинул
Над миром размашистый клен...

И как не любить мне равнины,
Где ветер цветами рябит,
Где даже обычный суглинок
Все краски вселенной хранит.

1947 г.

* * *

Февраль приходит как бесчинство вьюги
В холодном царстве матушки-зимы,
И колесят ветра по всей округе,
Темно в полях от снежной кутерьмы.

Бредут домишки, нахлобучив шапки
Почти до плеч, и ухают в снега,
Как будто сена белого охапки
Несет и сыплет по земле пурга.

И все бело, и все повсюду бело,
И только за околицей ветла
Черным-черна, куда-то очумело
Бредет, качаясь, в поле от села.

И только месяц, тучи прорезая
Над головой, как бронзовый топор,
А я стою, дыханием стирая
Со стекол льда затейливый узор.

Я так люблю, не зажигая света,
Стоять, глядеть в окошко и молчать,
Я так тоскую в этот миг о лете,
Как дай вам бог о милом тосковать.

И стоит только мне глаза зажмурить,
Как за окном начнется сенокос,
Запахнет мятой снеговая буря
И жаркой степью вдруг дохнет мороз.

И будет все: кузнечики и травы,
Звон медуниц, жужжанье оводов,

И скрип подвод у дальней переправы,
И пенье птиц на тысячу ладов.

И я увижу в ясных волнах света,
В сиянье вод, блестящих как слюда,
Как вы войдете, дверь открывши в лето,
В мои воспоминания тогда.

Вы будете со мною снова рядом,
Я только руку протяну сейчас,
И больше, больше ничего не надо
Мне, право, в светлых помыслах о вас.

1947 г.

* * *

А под Вологдой сейчас снега, снега...
Намело в деревнях выше крыш.
Что поет тебе косматая пурга?
Ты, наверно, над тетрадами не спишь.
У нее мотив старинный так тягуч,
Что мурашки пробегают по спине,
Вся земля, как будто камень бел-горюч,
Холодна, кругла, пустынна, вся во сне.
Лишь в твоей избе мерцает огонек,
Как упавшая с крутых небес звезда,
Нету вовсе на земле больших дорог
И придуманы большие города.
Есть проселки, деревеньки да леса,
Хруст капустный из-под валенок снежка,
Петухов красноголовых голоса
Да почтовая упряжка ямщика...

1947 г.

* * *

Стрелки замкнули круг на часах,
Звезда разбилась о камень,
И ветер навек потонул в лесах,
Дремучих, как волчья память.

Река поворачивала на юг,
Деляны с пахучим тесом,
Такая была тишина вокруг,
Что в ней заблудились росы.

И травы не стукались на корню
От легкого дуновенья,
И стало холодно вдруг огню,
Застывшему на мгновенье.

Испариной липкою в духоте
Покрылись стволы деревьев,
И замерло будто на мертвой черте
Охотничье наше кочевье.

Рыбы вставали в реке со дна,
Жабры раскрыв до отказа,
И так оглушительна тишина,
Что все замирает сразу.

Но, может, за тысячу верст от нас
Об землю с немыслимой кручи
Ударилась молния в этот час,
А гром еще шел по тучам.

1947 г.

* * *

Без тебя и день не в день и время
Потеряло грани и черты,
Клятвами клянусь тебе я всеми,
Нынче миром управляешь ты.

Вдруг захочешь, чтобы мне светило
Солнце с неба, подойдешь одна,
Улыбнешься милой, самой милой
Из улыбок, станет даль ясна.

Станет небо синим и огромным,
Все забуду, ревность и печаль,
Будто счастьем грозным, неумным
Одарила,
и ничуть не жаль

Ни ночей бессонных, ни мучений,
Все отдам, и так готов года
Ждать опять подобного мгновенья,
Ревновать, казниться и страдать.

Чтоб потом как бы среди страшной бури,
Погибая и идя ко дну,
Увидать вдали клочок лазури
И на миг поверить в тишину.

1947 г.

* * *

На рассвете холодок от плит
Каменных, пустынные кварталы,
Город, окна занавесив, спит,
Натянув по плечи одеяла.

Спать на подоконниках цветам,
Сторожа в тулупах не проснуться,
На каналах выгнутым мостам
Хочется калачиком свернуться.

Тишина стоит на площадях,
Кажется, что в ней услышать можно,
Как под самым Тихвином в лугах
Кони щиплют травы осторожно.

1947 г.

ВЕСНА В ЛЕНИНГРАДЕ

В плену у каменной ограды
Разбушевался черный сад.
Летит весна над Летним садом
И падает на Ленинград.

Деревья дышат мокрым ветром,
На юг глядятся за дома,
Там отступает метр за метром
Под натиском весны зима.

Ведет весна обстрел долины,
Дымятся на снегу, черны,
Проталины, как бы от минных
Разрывов на полях войны.

На тротуарах мокроногий
Март сапогами наследил,
Пришел полями без дороги
И крикнул людям: выходи!

И видит, что, забыв о стуже,
Как ранний гром по мостовой,
Трамвай уже гремит по лужам
С листком зеленым под дугой.

А с крыш, лопатами сверкая,
Мальчишек рыжих веселей
Повсюду дворники сгоняют
Снег, будто белых голубей!

1947 г.

* * *

Дождь, я один в этой мокрой вселенной,
Жижга пузырится, чавкает грязь,
Лужи, как кружевом, желтою пеной
Окаймлены в предрассветный час.

Плащ пронзает едкая влага,
Вязнут пудовые сапоги,
Рыжий, промокший, бездомный бродяга,
Куда ты направил свои шаги?

Мысли твои под дождем размокли,
Лес открывается впереди, —
И под глухой под свиный окрик,
Как водяной, ты в него входи...

1948 г.

* * *

По одной нам земле ходить
И под солнышком, и под месяцем,
Так положенный век прожить,
Что во веки веков не встретиться.

От печалей и от тревог
Не убавят годы и странствия,
Все мне чудится, как рожок
На забытой смолкает станции.

Все мне видится синий бор,
Желтый домик под красной крышею,
В чистом поле дымный костер,
Только имя твое слышу я.

1948 г.

* * *

Земля потрескалась от зноя,
В стручки свернулася листва,
Деревья умирали стоя,
Поникнув, падала трава.

Но вот в узде гремящих молний
Пришла гроза издалека,
И, воздух пением наполнив,
На землю ринулась река.

И стало мне на поле ясно
Под шум воспрявших трав тогда,
На свете есть не только в сказках,
Живая вправду есть вода.

Вот так и ты пришла однажды,
Как ливень из живой воды,
Когда я погибал от жажды,
Как те зеленые сады.

1948 г.

* * *

Мне кажется, что это было так,
Что шли к Земле тяжелые ракеты
Сто лет подряд в багровых вспышках света,
Не возвращаясь никогда назад,
Покинув навсегда свою планету.
Встречала их Земля гремучим адом,
Потоками, низвергнутыми с неба,
Гигантскими деревьями, жарою,
Слепящим светом, бронебойным градом.
Над ней струился пар, клубились гады,
Железный воздух рвал грудные клетки,
И тяжесть разрывала сухожилия,
И от избытка влаги жгло сердца.
Но как они при этом были рады
Земному урагану изобилья —
Здесь жизни может и не быть конца.
Переплывая огненные реки,
Сражаясь с мастодонтами в чащобах,
Перелетая с полюса на полюс,
Они решились жить на ней вовеки,
Они остались здесь, на доброй, злобной,
Скупой и щедрой девственной Земле.
И где-то посредине океана
Огромный остров отвоеван был,
Как центр цивилизации урана.
И город здесь впервые воспарил.
О, белое виденье Атлантиды
В бездонной глубине памяти людской,
Висячие сады Семирамиды,
Воображенье с неземной тоской.

* * *

Как трудно отвоевывалось счастье,
Не уступал и не сдавался воздух,
От необычного пришельцы гасли,
Но не было уже пути назад.
И землю в руки брал творец и мастер,
Уран был добыт, поднят город-сад.
Но в ночь одну погибла Атлантида,
Мне кажется, что это было так.

1948 г.

* * *

Самое тихое время суток,
Кажется, в мире даже дорог нет.
Воздух, как спящий ребенок, чуток,
Ладонью ударь — и он сразу вздрогнет.

Дальнее эхо пойдет по плесу,
На лес, на дома, на холмы натываясь,
Вскрикнет спросонок в кустах и подбросит
Уши, как столбики света, заяц.

Где-то дергач приоткроет дверцу,
Петли немазанные тревожа
В тереме травяном,
И сердцу
Нет ничего на земле дороже.

1948 г.

* * *

Скрипучие сосны залива,
Тяжелый, намокший песок
И ветер, упавший с обрыва
На пену морскую у ног.
А ты на Суворовском, знаю,
Не думаешь вовсе о том,
Как я, одинокий, шагаю
На берегу этом пустом.
На пирсе пустынно и голо,
Какая-то птица кричит,
И месяца тонкий осколок
Занозю в туче торчит.
А ты не придешь в этот вечер,
Тебе никогда не понять,
Как мне одному только встречу
С тоской неприкаянной ждать.
И думать настойчиво — снова
Молчание будет и ложь,
Где больно от каждого слова...
Но ты никогда не поймешь
Скрипучие сосны залива,
Тяжелый, намокший песок
И ветер, упавший с обрыва
На пену морскую у ног...

1948 г.

* * *

Вода и небо воедино
Сплелись в сплошной голубизне,
И облака недвижно стынут
В спокойной древней вышине.

Вода, как воздух, невесома.
Как светлый вымысел, ясна,
И над безбрежным оком
Плывет далекая луна.

Березы вдаль по побережью
Идут, неслышны и легки,
Лишь где-то в тростниках прилежно
Посвистывают кулики.

И тишина вокруг такая,
Что слышно мне, как пух летит,
Как рядом сердце замирает
И кровь в висках твоих стучит.

1949 г.

* * *

Нынче видел я перед рассветом,
Или это почудилось мне,
Что везли по Литейному лето
Золотое на рыжем коне.

Вдруг по улице ночью осенней
Запах трав пролетел в октябре,
О ромашках напомнил весенних,
О косцах, об июльской жаре.

И, пугая ночные машины,
Рыжий мерин, подняв удила,
Будто конь с пьедесталов старинных,
С сеном выехал из-за угла.

И пахнуло далеким раздольем,
И прохожие в поздней дали
По Литейному, будто по полю,
Среди трав и ромашек пошли.

Им казалось — иди вслед за возом
И увидишь: стоит за Невой
В белоствольных, зеленых березах
Возле моста июль золотой.

1949 г.

* * *

Снег качается за стеклом,
Ночь кончается за углом,
Хочешь, я расскажу тебе,
Что считаю добром и злом.
Или, может, не надо так,
Или все это лишь пустяк.
Просто нам помириться надо,
Я не знаю, с чего начать...
Может, просто лучше молчать,
Зубы сжав, от боли кричать,
Не мешая соседям спать...
Ничего не услышат они,
За окошком бегут огни...

1949 г.

* * *

Я словно опустевшая квартира,
Откуда за полночь ушли друзья.
В ней происходит перестройка мира,
Которую откладывать нельзя.
Передвигаю вещи и предметы,
Сор выметаю. Убираю дом.
Переключаю свет. Поменьше света.
И больше трезвой ясности притом.
Слова, слова... Они еще клубятся,
Как дым несвежий старых сигарет.
Даешь сквозняк!
Пусть ветер с Петроградской
Проходит и стены и паркет.
Но главное не в этом. Тихо стало.
С Невы влетел и зазвучал во мне
Крик чайки. Отдаленный гром вокзала,
Стук каблучков, как строчка в тишине...

1950 г.

* * *

Ни шороха, ни звука — тишина
Ничем не нарушима над заливом,
Лишь на песок ленивая волна
Вдруг рассыпает пену прихотливо.

Глубокий вздох, и вдаль уйдет она,
И никогда ее ты не услышишь,
Над голубым заливом тишина
Спокойно в лето северное дышит.

Ей никого не надо, только я
Люблю ходить на берег одинокий.
Что женщина, что верные друзья?
Всему на свете наступают сроки.

За необычной дымкой горизонт,
В тумане там неведомые страны,
И я был так же в жизни унесен,
Как этот парус в синие туманы.

Мне никогда не обрести покоя,
Пока я жив, пускай меня несет,
Как в океане шхуну китобоя
До всех недостигаемых широт.

По всем путям и перепутьям дальним,
Навстречу всем тревогам и ветрам
Я жить хочу, я жить хочу, с печалью
Мешая злую редость пополам.

Чтоб тьму как солнцем разрывая в клочья,
Пройти по жизни там, где горячей,
И все познать на ощупь и воочью,
Суть всех явлений в жизни и вещей.

1950 г.

* * *

До конька украшенный резьбой,
Крытый охрой пламенной и спелой,
Дом стоял у речки, сам собой
В ней красуясь, под березкой белой.

А над ним в лазури голубой
Все вращался на жерди сосновой
Петушок, как в сказке, золотой,
Хвост трубою в кузнице откован.

Сколько лет прошло над ним и бед,
Дом устал, слиняли краски, как в картине,
В нем давно уже хозяев нет,
И на снос он предназначен ныне.

С жердочки свалился петушок,
Покосились кружева вдоль крыши,
Лебеди взобрались на конек,
И стоит он, тихой речки тише.

1950 г.

У КОСТРА

Костер, в лугу горящий, над рекою,
Вдруг осветивший прошлое, огонь,
Иду к нему по светлому покою
Намокших трав, сквозь голубую сонь.

Иное детство стережет сегодня
В ночном коней иного табуна,
Но над водою золотою сходню
На темный берег бросила луна.

Пускай войдет по ней воспоминанье
На этот берег детства, наугад,
Ведь времени невидимые грани
Не составляют для него преград.

Здесь все, как встарь, ты слитки золотые
В костре тяжелой палкой вороши
И, слушая истории ночные,
От страха и восторга не дыши.

Кури сигарки толстые из моха,
Босые пятки согревай в золе,
Да, было детство прожито неплохо
На этой стародедовской земле.

И до сих пор дымок костров недаром
Неведомым волненьем обдает,
Как легким опьяняющим угаром,
Прошедшее из памяти встает.

И вдаль идет, где все ему знакомо,
Бесшумен плеск огня багровых крыл...
Я много лет в деревне не был дома,
Я у костра сегодня загрустил...

1950 г.

* * *

Впервые в жизни на земле большой,
Где сто морей, материков и неба,
Я понял здесь, что мы живем душой,
И стал таким, каким еще я не был.

Не раскрывался предо мной простор,
Я не всходил на облачную гору,
Весь в медных пятнах полыхал забор,
И дым сирени стлался по забору.

Калитка да железное кольцо,
Одно навек из колец обручальных,
И в темноте светящейся лицо
Вдруг полыхнуло вечной далью.

Здесь счастье мне сказала тихо: да,
И скрылось за калиткой, за забором,
Но дух перехватила мне тогда
Та высота, с которой меркнут горы.

1950 г.

* * *

Муку надо же такую,
Все о чем-то вспоминаю,
Все ищу и все тоскую,
А о чем сказать — не знаю.

Все не те слова и строки,
Не о том печаль и радость,
Ближних дней и дней далеких
Память мучу — нету ладу.

Вроде было очень много
Встреч, прощаний, расставаний,
А молю за-ради бога
Об одном хотя свиданье.

С той невыдуманной, ясной,
Душу захватившей круто,
С жаркой, истинно прекрасной,
Озарившей ночь минутой.*

Чтоб потом кому-то, где-то
Люди в трудный час сказали:
«Повтори-ка снова это», —
И минуту помолчали.

1951 г.

* * *

Мой край красотой не славится,
Болота в нем да леса,
В нем тучи земли касаются,
Какая уж тут красота.

Лишь клюкву одну по осени
Приносит щедро земля,
Да льнов неземною просинью
Побалуют летом поля.

Ему не сравниться с южными
Ни славой, ни красотой,
А если б и да, так нужно ли,
Когда он мне дорог такой.

Что в сердце живет и памяти,
Всегда помогая мне,
Ведь это он из пламени
Спасал меня на войне.

Когда по броне ударило
Немецкой марки литье,
Защелку люка нашарил я,
Чтоб снова видеть его.

С наганом по снегу рыжему
Дополз из последних сил,
В ночах госпитальных выжил я
И крепче его полюбил.

1952 г.

* * *

Жить бы мне на земле
Четыреста лет,
Я б и то, когда смерть привязалась,
Ей сказал бы так:
Что ты ходишь вслед,
Дай пожить еще самую малость.

Наглядеться на солнышко я не успел,
Надышаться родимым небом,
У меня еще столько неоконченных дел,
И с земли ты меня не требуй!

Что тебе пятьдесят или сорок годков,
Дай отсрочку, а там, пожалуй,
Сам приду к тебе и буду таков;
Самой лютой кончиной жалуй.

1952 г.

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Чем-то дальним и незнакомым,
Неизвестным тебя возьмет
Вечер поздний и в ночь из дома
Вдоль по улице поведет.
На Неве вода масляниста,
Спят прогулочные суда,
И качается в небе чистом
На всю землю одна звезда.
Дебаркадер белый, тесовый
Вдруг покажется на Неве
Просто тихой избой под Псковом
На лугу в голубой траве.
Белой ночи прозрачный полог,
Розоватая тень зари
Открывают тебе, как дорог
Давней грусти забытый ритм.
Как волна от того, другого,
Синя берега вдруг одна
Вот придет и охватит снова,
И уйдет она, как волна,
Одинокая и большая,
Непонятно, чем рождена,
В эту полночь тебя лишая
До трамваев из парков сна.
Вот как будто бы все как надо:
Ты работаешь и живешь,
И друзья тебе вроде рады,
И от них ты не отстаешь,
И доволен собой порою,
И причин для печали нет,
Но почувствуешь вдруг: покоя
В тридцать лет и в помине нет.

И не знаешь, каким девичьим
Легким именем звался он,
Как короткая песня птичья,
Ветром времени унесен...
Никогда не брала усталость
От дорог, от забот, от дел,
Но не сделано, что мечталось,
И не создано, что хотел.
И по набережным открытым
Вот идешь, не зная куда...
Остывают гранита плиты,
У мостов бормочет вода.
Занимается день грядущий,
И полнеба в огне уже,
Вот уже он в комнаты впущен
На шестом твоём этаже.
Дует ветер с залива, с Лахты,
Крепнут волны, гремят мосты,
Вымпела поднимают яхты
В нетерпении широты
Неизвестных, грозных просторов
И дорог по путям зари,
И включает тебя сам город
В свой упругий и вечный ритм.

1952 г.

* * *

Золотые песчинки секунд никогда
Не схватить, завалилась бы где хоть одна.
Дважды в реку времен не войти никогда,
Так стремительно мчится вода.
Лишь недвижно сияет в ней та же звезда,
То же небо синеет со дна.
И звезда неподвижна, и небо одно,
Может, времени нет,
Может, выдуман бег
Той реки. И понять бы пора нам давно:
Просто быстро течет, как река, человек.

1955 г.

* * *

За срубом стертого порога
Чудес и сказок не найдешь,
Дымится молнией дорога,
Бродячей рощей плещет дождь.
В цветах глазастых и рогатых,
В грозе лугов и трав кипит,
Струится пар голубоватый
Рождений, праздников и битв.

1957 г.

РОДИНА

Россия — Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, словно сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят —
Безусых, синеглазых, русых,
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России.

Но небу одному равна
Над головой своей по шири,
Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба —

В них слава древняя твоя
Взлетает с новою на гребень.

В густой траве осколки звезд,
Средь утренней червленой сини
Огонь рябин и снег берез,
Плотин бетонные твердыни.

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

1957 г.

* * *

Снежок неторопливый, пристальный,
В саду деревья, как в цвету,
Дымы уходят волокнистые
Прямолинейно в высоту.

Дома покрыты, словно книгами
Раскрытыми, белы снега,
Лишь как костры горят за ригами
Соломы золотой стога.

И запах смол в лесу стеклярусном
В неведомую даль влечет,
И ель фрегатом многопарусным
Торжественно в снегах плывет.

1958 г.

* * *

Мне этот город с кирхами, костелами
Собой ракетодром напоминал,
Он странные рассказывал истории
И смутные догадки подтверждал.
Как снег из неразгаданного прошлого
В неведомой для разума дали,
На землю из иных миров заброшены,
Стояли храмы, словно корабли.
Сейчас они начнутся, встречи первые,
С землею человека, на Земле.
Пути назад отрезаны, и верные
Товарищи молчат в зазвездной мгле.
Встают моря, ревущие, зеленые,
Планета холодна и горяча,
С секретами, с загадками, с законами,
Не разрубить которые сплеча.
Чтоб жить на ней, родиться надо заново,
В крови и муках сгинь и вновь родись,
Все потеряй. Земля — планета странная,
Все отобрав, оставит только жизнь.
Она в дугу здесь гнула их. Заставила
Одеться в шкуры, и в какой-то час,
Когда решила вдруг, что переплавилa,
Она сама на милость им сдалась.
Все начали с азов владельцы разума,
Костер открыли, собрались в стада.
И все, что было им на ней отказано,
Бесстрашно возродили в час труда.

1958 г.

* * *

Не сочиняю афоризмы,
Не изрекаю, а кричу...
Чем больше всматриваюсь в жизнь я,
Тем меньше к старости шучу.

Нет времени. Есть только люди,
В них время, как в часах песок
Течет в запаянном сосуде,
Пока ему не выйдет срок.

1959 г.

* * *

Время — чудо главное на свете,
Нам казалось, что века пройдут,
Уж никак не мы, лишь наши дети
В космос корабли свои пошлют.
Как мы радостно ошиблись в чуде,
На Луну стартуют корабли,
Оказалось, время — это люди,
Люди на одной шестой Земли.
Пахари, ученые, шахтеры,
Витязи свободного труда,
Вторгшиеся в звездные просторы
И опередившие года.
Вечно не устану удивляться
Времени, в котором я живу,
Разуму труда и правды братству,
Чудеса творящим наяву.
Вечно поклоняться не устану
Родине, несущей миру свет.
Ведь и там, в межзвездных океанах,
Люди, утвердив союз планет,
Вспомнят, что в начале звездной эры
В памятном далеком далеке
Говорила в мир и счастье эра
На великом русском языке.

1959 г.

* * *

В звездной жажде забыв покой,
На земле оставляя небо,
Вот и вышел разум людской
На дорогу, которой не было.
На дорогу в вечность длинной,
Бесконечную, дерзновенную
В нашей сутолоке земной,
Беспокоясь за всю вселенную.
Как хотел бы я их обнять,
Всех конструкторов и строителей,
Их фамилии повторять
Незнакомые небожителей.
Но вселенная велика...
Но вселенная знать должна,
Знать отныне всех и до века,
Но слились для нее имена
В гордом имени — Человека.

1959 г.

* * *

Взревели дюзы частыми громами,
И на столбе ревущего огня
Ракета встала в небе, над горами,
На миг покой неподвижности храня.

Земля с ее лесами, небесами
И с одиноким костерком в полях, —
Все позади осталось за бортами
Направленного в космос корабля.

Законы притяжения, вериги
Навеки сорвались с земных плечей.
А люди пили чай, читали книги,
Варили сталь и нянчили детей.

Они свои не бросили занятия —
Обычные знакомые дела,
Они притом не бросились в объятия,
Когда ракета над Луной прошла.

А может быть, что в этом их и сила,
Им все дела обычны и важны,
Как то, что в этот миг происходило
В пространстве от Луны и до Земли.

1959 г.

* * *

Я сам вселенную свою творю
Из вымыслов пустышных,
Над нею вешаю зарю,
Творю леса, взрыхляю пашни.
Героев под руку веду,
Над женщиной замру от счастья,
Сшибаю радость и беду,
Тревоги, подвиги и счастье.
Рукав рубахи закатав,
Ерошив волосы, вздыхая,
Во всем неукротимый нрав
Всему, что создал сам, являя.

1960 г.

* * *

Дымная качается река,
В белые закована граниты
В ней одна заветная строка,
Кровь и боль, что были здесь забыты.
Нет ни трав, ни глины, ни песка,
Ни воды, ни звука, ни дыханья,
Синий мрак и зыбкая тоска,
Есть лишь дым и света колыханье...

1961 г.

* * *

Я много раз в пути встречал рассветы,
Еще темно и сыро у земли,
Но, в высоте сияньем дня задеты,
Вершины сосен небо подожгли,
Еще звезда летит, не потухая,
Пушинкой одуванчика на нем.
Но облака — поляна золотая
Полна живым трепещущим огнем.
И пусть с высот нисходит день на травы
От облака, от опаленных крон,
Все тонет в нем, на то имея право,
Иначе б днем не назывался он.

1962 г.

ПЕСНЯ О МАМОНТЕ

Вымирали мамонты на свете,
Рыжие, огромные, в шерсти.
И на всей земле, на всей планете
Было некому по ним грустить.

Их никто не ел, никто не трогал их,
Шерсть не стриг с них, зря она росла.
Бивнями тяжелыми дорога их
Сквозь века проложена была.

Были мамонты венцом творения,
Сущего в то время на земле.
Сильные и добрые, как гении,
Только выжить все же не смогли.

То ли изменились вдруг условия,
То ли жить мешала им среда,
Только стала им земля надгробием —
Горы, доли, небо и вода.

Наступило некое столетие,
Полегла царей природы рать.
Каково ж в нем одному, последнему
Было жить? Не то что умирать!

Тучи шли косматые над чащами.
И, оставшись на земле один,
Их приняв за братьев уходящих,
Затрубил косматый исполин.

Над лесами древними, дремучими
Рокотала скорбная труба.

Тучам что? Они ведь были тучами,
Их не трогала его судьба.

Только эхо в дальних далях дрогнуло,
Из-под ног рванулся зверь в кусты,
Замерли цветы четверорогие —
Огляделся мамонт с высоты.

Жизнь вокруг вершилась непонятная:
Волки, лисы, тигры, барсуки
Жаркими в лесах мелькали пятнами
И друг друга рвали на куски.

И тогда за тучами бегучими,
Бросив благодатные края,
Он пошел живой, шерстнатой тучею,
Чтоб не видеть сущего зверья.

Он пошел от них в пустыню белую,
Как в изгнание, в заполярный круг,
Ничего не прыгало, не бегало
И не мельтешило там вокруг.

Шел, питался вереском и ветками
И дошел до тех равнин вдали,
Только силы стали очень ветхими.
В сон клонило. Был здесь край земли.

Океан гремел пустыми волнами,
Солнца шар не мог подняться ввысь,
Падал снег, как белое безмолвие,
Уходила из-под сердца жизнь.

Лег он, к небу выставив точеные
Бивни, не бывавшие в бою...

...Через сто веков его ученые
Так и отыскиали в том краю.

Говорят, что, сытые и рослые,
Живы братья мамонтов — слоны.
Только мне бывает жалко до смерти
Мамонтов
Средь белой тишины...

1963 г.

ПТИЦА СИРИН

На клочке пергаментных забот
Я прочел значки полуустава —
Птица Сири́н в уши там поет...
И тревожно мне донельзя стало.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Посреди гиперборейских вод
Скалы, как ножи, встают над ними.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
На пять тысяч верст зеленый лед,
Солнца шар над ним в шерсти и дыме.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Красный Марс во весь обзор встает
Со своими лунами пустыми.

Птица Сири́н в уши там поет...
Гаснет парус, замерзают ноги.
Дюзы разрывают звездолет —
Птица Сири́н встала на дороге.

1963 г.

* * *

Леса уходят, жалко мне леса,
Уходят ели, сосны и березы,
Рябины гасят пламенные гроздья,
Осинников смолкают голоса.
Когда-то жили в тех лесах дубы,
И ясени, и золотые клены.
Куда им деться от такой судьбы?
Лес вырубают — океан зеленый.
Я был в Европе. Там и ель хранят.
Стоят, пронумерованны, деревья,
И ни соринки на земле, и в ряд,
Приглаженные, тянутся коренья.
Хранят леса? Но это не леса —
Не свищут птицы в них, не плещут ветры,
В стеклянных загородках чудеса,
А не одно большое чудо света,
Асфальтовые тропки и бетон —
Рай для туристов атомного века...
А здесь плывут плоты по мощным рекам
И слышен в даях Китеж-града звон...
А может, надо сохранить леса,
А не деревьев ценные породы?
...Леса кричат и плачут, как народы,
На все свои живые голоса.

1965 г.

* * *

У леса голубого на опушке,
Где улица пустынна и грустна,
В поселке дачном, в маленькой избушке
Была ты не хозяйка, не жена.
Трещали в печке хвойные поленья,
Шипел не умолкая самовар,
И розовые полные колени
Спокойно обвевал веселый жар.
Но было счастье, только не в мужчине,
Нет, не в его сжигающем тепле,
А в золотой наколотой лучине
И там, в окне, в морозном хрустале...

1965 г.

* * *

Ты в жизни жег хоть раз мосты
В своей?
Как жгут мосты саперы,
Настылы руша с высоты
И за рекой оставив город.
Он бел. Над ним плывут сады.
Сверкают шпили колоколен,
Но сожжены к нему мосты,
И надо уходить по полю.
И лучше не глядеть назад:
Там над безгрешною рекою
Мосты горят, мосты горят —
Твоею зажжены рукою.
Ты в жизни жег хоть раз мосты?
Вот так, а может быть, иначе,
На пламя глядя с высоты,
Сто раз оборотившись, плача.
Саперам что! Они пройдут
Огонь и дым, но час настанет,
Мосты саперы возведут,
И город вновь в их лица глянет.
А в жизни жгут мосты навек,
И в прошлое возврата нету,
В тот город за разливом рек,
Где мост горит в разгаре лета.

1966 г.

* * *

Земля землей не мелковата.
Двадцатый век, двадцатый год.
Я, позабыв, что был солдатом,
Хожу по ней не без забот.
За тридевять земель от дома
Февраль меня встречал жарой,
Банановым аэродромом
И пальмами в тиши ночной.
А по бокам летящей трассы
Спросил я: что такое там?
И мне сказали: ананасы,
И я глазам не верил сам.
Ведь ананасы как крапива
У нас в России вдоль дорог.
Крапива? Что это за диво?
А что я им ответить мог?..

1966 г.

ХА ЛОНГ

Всю землю ночь опустошила,
Гляжу — нет ничего в окне.
Залива черные чернила
Да звуки в тишине.
Да запахи цветов и моря,
Залив Ха Лонг,
Слова звучат, как гонг.
Я лампу потушил и поднял штору
И говорю: Ха Лонг, ты здесь, Ха Лонг?
На краешке материка на самом
Вдаль руку протяну, и нету там
Европы с Азией за белой рамой,
А есть Ха Лонг —
Вступление к морям,
Есть лишь Ха Лонг,
Невиданного символ и печать.
Я ничего не вижу, но, однако,
Он здесь — рукой подать,
Ха Лонг.

1966 г.

СТИХИ О ДАЛЬНЕЙ ДОРОГЕ

Ноги пухли от полета,
Огибал я шар земной,
Ангелы аэрофлота
Наклонялись надо мной.
Предлагали мне тянучки,
Водку, ножку петуха.
В небе не было ни тучки,
Расстоянья — чепуха.
Вся земля внизу качалась,
Никаких на ней границ,
И сидел я без печали,
Глядя в небо сверху вниз.
Как господь глядел с престола
Или как Иван-дурак,
Начиная с полшестого
Утра, скинувшего мрак.
Города внизу лежали,
Реки струйками текли,
Люди там внизу сражались,
Строили, хлеба пекли,
Сочиняли триолеты
Без зазренья на друзей,
Но пустой была планета
Сверху, словно бы музей.
Глиняная, будто черный
Старый, в трещинах горшок,
Ни души на ней, к прискорбью,
Сверху я узреть не мог.
Были только очертанья
Их труда за все века,
Городов и пашен в плане,
Видимом издавека.

Остальное затерялось,
Измельчало, словно мышь, —
Что большим внизу казалось,
Сверху и не разглядишь.
Ни дворцов, ни монументов,
Только пашни и сады,
Да дорог прямые ленты,
Да плотины у воды.
Думал я, вернусь и буду
После этой высоты
Философски, словно Будда,
К мелочам земной тщеты
Относиться после этой
Траектории в выси,
Охватившей полпланеты
Лайнером на небеси.
Но сосед, храпевший сбоку,
В бок толкнул меня локтем,
Ангел флота синеокий
Вдруг назвал меня отцом.
Он зевнул, взглянул со скукой,
Как в трамвае, на меня,
И поблек небесный купол,
Синий в середине дня...

1967 г.

* * *

С утра в субботу электрички
Полным-полны, как поезд в ад.
В них анекдоты, шутки, стычки
И песни новые звучат.

А я, больной и бородатый,
В последний втиснутый вагон,
Качу, соседями зажатый,
За оснеженный горизонт.

Там, словно в старых добрых сказках,
Творятся всюду чудеса,
Там мир на лыжах и салазках
Впал в детство и ушел в леса.

1968 г.

* * *

Как Древний Рим во время оно,
А может быть, поверх времен,
В бетонной чаше стадиона
Ревет и плачет стадион.

Молчит, грохочет свирепя,
Свистки вонзает в небеса,
Сто тысяч легких не жалея,
Возносит к небу голоса.

Живучий, яростнее веча
Вздыхает он, смеется он.
Какие мысли там и речи?
Он только чувством наделен.

1968 г.

* * *

Ходят по свету страсти-мордасти,
По знакомству заходят в дом,
Говорят незнакомым: здарсьте —
И усаживаются за столом.
Говорят они: вы слышали,
Вы подумайте, говорят,
Ходят страсти, как сон стихами,
Ходят, сами себя даря.
Только люди на эти страсти
Ноль вниманья, презренья фунт,
Столько пропасти и напасти
Повидали они, что страсти
Для людей как будто бы тьфу.
Люди пьют чай, балагурят,
Друга хлопают по плечам,
Строят куры и шуры-муры
И спокойно спят по ночам.
Людям нравятся шуры-муры,
На мордасти им наплевать,
Люди веселы, а не хмуры,
Стали губы у них не дуры
И на пушку их не поймать.

1969 г.

* * *

Россия есть у каждого своя:
Свои леса в ней и свои поляны,
Свои враги в ней и свои друзья,
Свои у всех на будущее планы.
Но черный хлеб ее у всех один —
Насущный хлеб, что Правдою зовется,
Не все им сыты. Только все едим,
Его хватает нам и остается.

1970 г.

* * *

Красное в разгаре лето,
В знойной тишине
Дятла дробь в бору прогремом,
В небе на сосне.

Загадай свое желанье,
Веря или нет,
И кукушки предсказанье
Прозвучит в ответ.

Прозвучит и канет в синий,
Голубой простор
В глубине твоей России,
Юной до сих пор.

1970 г.

* * *

Милый север, край лесной,
Над тобою, не сгорая,
Зори красные стеной
Без конца стоят, играя,
Опясав круг земной.

Круг любви, тревог, забот,
Вспоминаний и мечтаний,
Белых, синих юных вод,
Далей, праздников, высот,
Расставаний и свиданий...

1970 г.

* * *

Бывает — белый свет
Покажется с овчинку,
Сойдется клином свет:
Куда ни кинь — все клин.
Мир тесен, говорят,
Но не для лет и весен, —
Мир тесен для врагов —
Огромен для друзей.
Кричим: «Здорово, брат!»
И глину мира месим,
И ждем без лишних слов
Вестей и новостей.

1970 г.

НА СЕВЕРЕ

Какие ветры ходом здесь прошли,
Срывая кровли и круша камня.
Алели долго на груди земли
Одни остатки кладок, как раненья.
Леса редели. Заросли росли
Кустарника в полях — где ни попало,
Сыны взошли в иных краях, вдали,
Как семена, что ветром разметало.
А здесь — болото, глина да подзол,
Да лишь о предках праведная память.
Но рожь всходила, лен неспешно цвел,
И шли плоты по рекам с костерками.
Знать, не сорвало, вдаль не унесло
Того, кто в берег вросся, как ракета,
Кто оставался парусом, веслом,
Избой и пашней, песней позабытой,
Всем бурям и ветрам наперекор,
И вот, как будто не было и было,
Звонит топор, пытит дымком мотор,
Смолою пахнут белые стропила.
Над крышами двадцатый век занес
Уже и здесь свои телеантенны,
А на лугах заречных сенокос,
И тишина вокруг благословенна,
Лениво над рекой звонит осот,
Стрекозы пляшут синие над нею.
Она куда-то облака несет,
То вся светлея разом, то темнея,
В реку глядится с берега посад,
И на пригорке, темнолиц и светел,

Стоит мужик, сам черт ему не брат,
У ног его улегся в травы ветер.

1971 г.

* * *

На улицах Праги старинной,
У сосен стеклянного Лахти
Я время просил — отвори мне!
Его заклинал я — оставьте!
Но жил во мне, всюду вставая,
Глядя со своей колокольни
От Чехии и до Китая,
Мой опыт с упрямством и болью,
И в ливнях стекла и бетона,
И в замках замшелых прекрасно,
Говсюду я был Робинзоном,
Но не соглядатаем праздным.

1970 г.

СТАРАЯ ФРЕСКА

Повстречались мы на заре,
Белой ночью в веке двадцатом,
На кольчужном их серебре
След зари блестел розоватый,
Копья, словно солнца лучи,
Были в их ладонях зажаты,
А у бедер остры мечи
И щиты у плечей покатых.
Лица юны, добры, строги,
И ни злобы в них, ни печали,
Будто их на пути враги
Смертью лютою не встречали.
Будто виделся им другой
Мир, прекрасный в подлунном лоне.
Белой радугой-дугой
Тонконогие гнулись кони,
Перезванивали стремяна,
Пела в облаке птаха где-то,
И ни дали, ни времена
Были здесь ни при чем при этом.
Молвь людская и конский дых
Плыли в белом льняном просторе,
И застыл я, смирен и тих,
На вечерней заре в притворе,
И стоял я, видя не храм,
Где-то лес палило пожаром,
Города по крутым холмам
Купола вздымали к стожарам.
Сосны в кронах качали дожди,
Солнце в синих катилось высях,

Голос был мне. Он звал: входи,
Это я зову, Дионисий.

1971 г.

* * *

Есть день. Он дан мне словно край,
Я в нем хозяин, пахарь, мастер,
Потерянный и обретенный рай,
Все в нем, и нет иного счастья.

Светила пламенного лик,
Высоких трав благоуханье,
Что мудрость всех великих книг
Перед страницей мирозданья?

1972 г.

* * *

В каменной, стальной глуши,
В аэропортах столичных
Кофе по ночам глушил,
Сигареты жег привычно.

Всюду с ревом города
На земле зимой и летом
Низвергались в никуда,
Словно водопады света.

Не было ни зим, ни лет,
Были тропики и холод,
Снег и пальмы. Белый свет
Мчался, как волчок веселый.

Но однажды на краю
Взлетной полосы, на пашне
Вдруг припомнил жизнь свою
Разом всю, как день вчерашний.

Вспомнил выжженный кювет,
Клок земли, в атаке взятый,
Весь, как целый белый свет,
Неохватный, непонятный.

Вспомнил молодость свою,
Как горящую ракету
В том бою, году, краю,
И ушел и сдал билеты.

1972 г.

* * *

Есть у сосен зеленых
На безветрье с утра
Неподвижность бизонов
Или всплески костра.
Или молний зеленых,
Вдруг застывших в тиши,
Есть надежность, бездонность,
Пища есть для души.
Неподвижности этой,
Обступившей вокруг,
Как явление ракеты,
Обгоняющей звук,
Длится, и непонятно,
Сколько будет огня,
Светом золотит пятна,
Тишь вокруг, как стена.
Не шелохнутся иглы,
И застыла трава,
Будто светом воздвигли
Тишины острова...

1972 г.

* * *

Что есть и мудрее и проще,
Не в шутку твержу, а всерьез, —
Чем та подмосковная роща,
Семейство осин и берез,
Где я через пень да колоду
По тропке забытой брожу,
Рассвета холодную воду
Сквозь шум электрички цежу.
Разбужены вести до срока,
И свежие новости те,
Что срочно приносит сорока
Кому-то на длинном хвосте.
С годами ясней замечаешь —
Не только из книг и газет —
О том, что на свете, узнаешь,
Не так уж он мал, белый свет.
О чем замолчали березы?
И что знаменует она,
На небе встающая грозно,
Как зарево в роще, луна?..

1972 г.

* * *

Живет посредине столицы
В воскресный и праздничный день,
Как будто в светлице жар-птица,
Музыка моих деревень.
Меха золотые и планки,
Малиновый звон и огонь,
Гармошка, гармонья, тальянка,
Живет на асфальте гармонь.
И сыплет, как ветер, частушки,
Как новенькие пяточки.
И в мини-юбчонках девчушки
Ломают свои каблочки.
Идут безоглядно вприсядку,
Плечами и грудью трясут,
Как будто кирпичную кладку
На стройке какой-то ведут.
В крови это, видно, у наших.
И что там, откуда взялось?
Уж пляшут — так, стало быть, пляшут,
Размах и веселая злость,
Слова озорные без точек,
Все полностью в каждой строке.
Над лицами белый платочек,
Как птица, порхает в руке.
И вроде бы все горожане,
Но, свой не скрывая исход,
У новеньких каменных зданий
Гармошка в столице поет.

1972 г.

РАССВЕТ

А когда на землю пал туман,
Показалось, что ее не стало
И вокруг простерся океан,
Без конца совсем и без начала.

Канули не только что леса,
Все долины, и холмы, и хаты,
Даже небеса, и небеса
Канули бесследные куда-то.

Тишина дремучая легла,
Стало все, как в первый день творенья:
Первобытная седая мгла,
Дымное смешенье света с тенью.

И лишь только через два часа
Волны заструились, засветились.
Отдышалась твердь, и небеса
Синие от тверди отделились.

А потом поднялись холмы,
Расступились сосны по ранжиру,
И к утру из первозданной тьмы
Совершилось сотворенье мира.

1973 г.

* * *

И черная случается весна:
Ни в небе нет, ни на земле нет света,
Черна земля, и туч гряда темна,
Черны деревьев голые скелеты.
На реках синий грязноватый лед,
Туман просторы мгlistые заносит,
И дождик серый целый день сечет,
Как будто это не весна, а осень.
Но снег в полях быстрее день ото дня,
Пора такая, запросто съедает.
Земля в грязи и жиже, как квашня, —
Вздывается, восходит, набухает.
В лесу, в оврагах, в поле, на земле —
Повсюду что-то новое творится,
Как только солнце выглянет во мгле, —
Весь мир мгновенно с ним преобразится.
И никаких на нем следов зимы:
Он весь прозрачен, голубой и рыжий,
Вот солнце в луже, в золоте холмы
И с черных пашен свет до неба брызжет.

1978 г.

* * *

Замечаю: происходит что-то,
Облик изменили облака,
Птицы задержались с перелетом,
Вскрылась ото льда зимой река.

Где-то, говорят, летит комета;
За Полярным кругом, говорят,
Необыкновенно жарко летом,
А на юге хлещет снегопад.

Не вступаю в споры, разгворы,
С тишиной, как с азбукой, дружа,
Стал невыносимо дешев порох,
А насущный хлеб подорожал.

1974 г.

* * *

Появились на дорогах вепри,
Грозы шли и падали трескучие.
Дули ветры. Задували ветры,
И сшибались, словно кони, тучи.
Лето было полное знамений,
Но никто не замечал их просто,
И никто не думал, что за тени
Поднимались от земли под звезды.
Просто в суете и суматохе,
Вовсе оторвавшись от природы,
Все валили чохом на эпоху,
Думали — и тут она подводит.
Но валились с корнем наземь сосны,
Мачтовые сосны-исполины.
Ни с того и ни с сего в покосы
Реки выходили на равнину.
Радуги, как будто полотенца,
Полоскались над любой крышей.
Май такие выдавал коленца
С перепадами от грома к тиши,
Что хватались люди за газеты,
По привычке думая, что эта
Связана с политикой примета.
И спокойно дрыхли до рассвета.
Но к бензоколонкам и киоскам
Выходили вепри, словно к кочкам.
Падали, срывались в полночь звезды,
Петухи кричали неурочно.
Лето было полное знамений,
Непрочитанных и странных очень...

А для всех лишь — недоразумений
С отпусками, с дачами и прочим...

1974 г.

* * *

День падает, и, словно колокольцы,
Звенят капли, осыпаясь с крыш,
День падает куда-то за околицу,
В вечернюю пустеющую тишь.
Сейчас его пылающая кромка
Сверкнет огнем и скроется из глаз.
Встают стеною черною потемки
На синий и заледневший наст.
Еще живут дневные звуки в воздухе,
Но и они уймутся, день погас,
День золотой, и голубой, и розовый,
Весенним светом озаривший нас,

1975 г.

* * *

Как будто древних царств реликт,
В час эры атомной, машинной
Я услышал победный крик
Перед рассветом петушиный.
Еще не колыхнула тишь
Иглой сосновой и травинкой,
Росинки с невысоких крыш
Не обронила на малинник.
Весь мир еще и мглист и сед,
И сумрак все глубок и прочен,
А он уже поет рассвет,
Не просто смену дня и ночи,
Ах, сколько связано в былом
Надежд и веры с этим кличем.
Крик петуха, и над селом
Он был не просто пеньем птичьим,
Один. Вослед другой за ним,
Светает. Ночь переломилась.
Еще восток неразличим,
Но что-то в небесах свершилось.
Я в них внимательно смотрю
И слушаю до удивленья
Предвосхищающих зарю,
Давно не слышанное пенье.
После всегдашней чепухи
И сутолоки дня базарной
Пбют нежданно петухи
Светающе и светозарно.

1975 г.

* * *

Синь все небо уносит,
Солнце волны листает,
А у вас, видно, осень
В эти дни золотая,
Лист ложится багряный
На зеркальные лужи,
Набегают туманы,
Тучи ходят натужно,
Поспевают рябины,
Кисти как семафоры
Над асфальтом пустынным,
Убегающим в город...

1975 г.

* * *

Мне нынче снится край родной ночами,
Воды большие светлы. И по ней
Я все плыву в веселье и печали,
Как в дни далекой юности моей,
Я все плыву на родину и вижу,
Как изменилась там земля сама:
В воде высокой тонет берег рыжий
И странные там люди и дома.
Вхожу в дома я, словно в отраженья
В воде зеркальной, преломившей свет.
Я помню все там с моего рожденья,
Все узнаю, и ничего там нет.
Там все не так и все не то, и все же
Над всем душа сжимается моя.
Тревожно и пронзительно похоже
Там все, что твердо знал и видел я.
И все плывет вода и все струится
Куда-то вдаль, куда-то вдаль. Куда?
Старинные над ней восходят лица,
Как месяцы, как луны, как года.
Зеленые и вянущие травы,
Осенние березы и кусты
Недвижные, как будто бы неправда
Среди равнинь, словно у черты,
Где может все неожиданно оборваться
От шороха, как будто от беды,
И сладко там, и страшно оставаться
И сознавать мне этот сон воды...

1975 г.

НА РЫБАЛКЕ

И хотя на самом деле
Нет давным-давно калик,
Да и был он — на неделю
В лес сбежавший отпускник.
Появился он лохматый,
Словно некий дух лесной,
В бороде его лопатой
Льдинки стали сединой,
Горсть комариков поющих,
Дым вчерашнего костра.
Появился леший сущий,
Но желающий добра.
Любопытства полон к людям,
Сел поближе на пенек.
Никаких при нем орудий,
Только тощий рюкзачок.
Кто такой, мы не спросили,
Пил из кружки чай пустой
И глядел такою синью
Непрстлядную, густой,
Что придвинулся, похоже,
Век былинный, древний век,
Где каликой переходим
Был он, этот человек.

1975 г.

НА ШЕКШЕ

Ю. Бондареву

Взъерошенная синяя река
Открылась вдруг с железного парома
Простором, уплывающим в века,
А не в леса за кромку окоема.

Даль не сводила вместе берега
И даже не сближала перспективой.
И словно бы гигантская дуга,
Река в нее входила всем разливом.

И горожанам, повидавшим свет,
Давно решившим, что он мал и тесен,
Почудилось, что края свету нет
И не бывать, да он и неизвестен.

В просторе синем белый пароход
Как будто парус засверкал, и сразу
Подумалось, что с вольницей плывет,
Не ровен час, навстречу Стенька Разин.

И даже след дюралевой стрелы
Был в грозном небе, след не самолета,
А след стрелы, запущенной из мглы,
Перуна в небе росчерк беззаботный.

1975 г.

* * *

Я к тебе забыл сто дорог,
Тысячу путей,
Тыщи троп.
Я бы просто по небу мог
Даже без особых затей.
Синие озера твои
Выцвели от солнц и от лун,
Убежали в реки ручьи
Через белый камень-падун,
Льны твои,
Что ветра полны,
Посеклись и стали белы,
Встали над землею, темны,
Сосен золотые стволы.
Но твои озера сини,
Стоило взглянуть — потонуть,
Золотые льны тишины
Волны захлестнули на грудь.
И как будто не было лет,
Сосны молоды, в реках лов,
Льется от берез белый свет,
Ох, не надо слов, снова слов.
Я к тебе забыл сто дорог,
Я их вспоминал допоздна,
Никакой не выбрал в свой срок,
И теперь осталась одна...

1976 г.

* * *

День начат с молока и хлеба,
С даров взыскующих полей,
В нем трубный глас, летящий с неба,
Громоподобных кораблей.

Они, как ангельские стрелы,
Из миг возникли и прошли,
Маня в нездешние пределы
Просторов неба и земли.

А под окном горит рябина,
Березы жаром залиты,
И веет тишиной пустынной
От подступившей высоты.

Такой, что, может, и не нужно
Тех сиринов над головой,
Есть хлеб и кружка с белой дужкой
И соль в солонке голубой.

1976 г.

КИРИКИ УЛИТЫ

Леониду Буркову

Церковь Кирики Улиты,
Рыжий, красный березняк
Почему-то не забыты,
Не забудутся никак.

Вспоминаются неожиданно
Без причины и тоски
Небеса, в лесу поляна.
Под ногами рыжики.

А от церкви следу нету,
Только этот березняк
Льется, льется белым светом,
Продувает, как сквозняк.

Церковь Кирики Улиты,
Все рассыпано давно,
И ищи ты, не ищи ты,
Не отыщешь...

Все равно.

Почему-то не забыты
И звучат, плывут слова
«Церковь Кирики Улиты»,
Словно в небе острова.

1976 г.

БЕЛОЕ ОЗЕРО

Будет печалить и радовать
В мире оно и без нас
Белой нежданною радугой,
Искрясь, как мартовский наст.

Там, где кончаются озими
В дальней дали и леса,
Синее, белое озеро
Встало стеной в небеса.

Белой дугою очерчено,
Солнца касаясь и звезд,
Тихое, будто доверчивость,
Но с перезвонами гроз.

Нимбом светящимся издали
Встало над краем навек,
Неотразимо и искренне,
Будто бы взгляд из-под век.

Белое озеро, может быть,
Цвета черемух полно,
Белое озеро — боже мой,
Как это было давно.

1976 г.

СЕВЕР

Может, он счастья спокойнее,
Правды, быть может, добрей.
Над тишиною и войнами
Светит копровский кипрей.

Ширь, даже грому нетесная,
Эху стократ рокотать.
И высота поднебесная —
Птице крылом не достать.

И чтобы не убаюкала,
Чтобы прожгла глубина —
Синяя капелька купола
На горизонте видна.

Радостей светлых и горестей,
Дней и ночей берега —
Севера древние прориси —
Озеро, лес и луга.

1976 г.

* * *

Пал туман на море синее,
Горы скрыл и море скрыл,
Смыл сверкающие линии,
Растворил бесследно Крым.
И сижу и жду в тумане я,
Словно бог во мгле веков,
Что возникнут очертания
Гор, деревьев и цветов.
Я им дам сперва названия,
Перепробовав на звук
Мне известные заранее —
Карадаг, Каясюрюк.
Отделю от моря сушу я,
На ладонь туман солью,
Разгляжу я и послушаю
Даг-кара, Сюрюк-каю.

1976 г.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Грохочут в небе дни, как поезда,
Все в молниях, ветрах и ливнях плотных,
Уходит лето через города,
Как праздники, легко и беззаботно.
Не надо ждать неожиданных перемен
И радостей каких-то неизвестных,
Уходит лето в травах до колен,
В хлебах по пояс, плечи в перелесках.
Уходит лето, не остановить,
Не сесть за стол — давай раскинем бражна
И будем петь и будем вина пить,
Как будто в мае... Ну и пусть, не страшно,
Еще ветра, пожалуй, по пути,
Еще как будто не остыли воды
Реки, что в синем золоте летит
И белые качает пароходы...
Но дни летят — не оглянуться вслед.
Теперь уже ни при какой погоде.
На черед неоторпливых лет, —
Уходит лето. Навсегда уходит...

* * *

Земля летит, зеленая, навстречу,
Звенит озер метелью голубой.
На ней березы белые, как свечи,
Свист пеночки и цветик полевой.
Я землю эту попираю ногами,
К ней под обстрелом припадал щекой,
Дышал ее дождями и снегами
И гладил обожженную рукой.
Прости, земля, что я тебя покину,
Не по своей, так по чужой вине,
И не увижу никогда рябину
Ни наяву, ни в непроглядном сне...

1977 г.

* * *

Дождик льет, собака лает,
Кот на крыше загорает,
В огороде мак цветет,
Ест медведь в саду малину,
Рыбы плавают в пруду,
Пруд замерз наполовину,
На одном конце, на льду
На коньках идет катанье,
В теплых шубах детвора,
На другом вовсю купанье,
Золотой песок, жара.
Это все рукой отважной
В полчаса сотворено
На одном листе бумажном
И к стене приклеено.

1976 г.

СЕМЬ ДНЕЙ ТВОРЕНИЯ

День первый

Улетали с Марса марсиане
В мир иной, куда глаза глядят,
И не в сказке, не в иносказанье —
Двести миллионов лет назад

Гасло солнце в далях безответных.
Гасло солнце! Что еще искать?
Умирала ржавая планета —
Родина, всего живого мать.

Вымерзли моря, уплыли реки,
Опустели в недрах города.
Меркли светы, день умолк навеки,
Час настал последнего суда.

Был исчислен, взвешен и измерен
Красный Марс и вычерпан до дна.
Найден был для жизни новый берег,
Но дорога до него темна.

Тыщу лет катились вспышки света
Через космос, в сторону Земли.
На нее, на синюю планету,
Молча улетали корабли.

Там с небес, как реки, ливни били,
Лес вставал до солнечных высот.
Тяжесть разрывала сухожилия,
Кровь сушил под кожей кислород.

Грозный мир был бесконечно юный,
Все готовый сызнова начать.
Разбивались корабли о луны,
Сорвана была с Земли печать.

Те, что послабее, оставались
Умирать с самой судьбой в ладу,
Те, что улетели, не сдавались,
Веруя в свирепую звезду!..

До сих пор хранит следы посадок
Марсианских кораблей луна:
Кратеры и белой пыли гряды,
Как лучи на лунных валунах.

До сих пор на марсианских лунах
Красные ржавеют стапеля
На камнях оплавленных чугунных,
Память о гигантских кораблях.

День второй

Мир был синий, золотой, зеленый
У лесов, болот, озер и скал,
Он рычал, ворочался и стоны
Лютого восторга испускал.

На столбах воды и ливнях света
Ходуном ходили гребни гор,
Были ослепительны рассветы,
Оглушителен земли простор.

Ящеры пикировали в тучах,
В небесах кишмя кишела жизнь,

Молнии ломались в белых кручах
И огнем в громах стекали вниз.

На глазах росли леса, как травы,
Ярусами плыли небеса,
И плескались огненные лавы
В сопках гор, гремели голоса.

По ночам из голубого мрака
Поднималась желтая луна...

1977 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вечно живая поэзия. О. Шестинский 3

ЗВЕЗДНАЯ МОЯ ЗЕМЛЯ РОССИЯ

«Здесь земля дрожала не от страха...»	9
Граната	10
Дождь	10
«Может, мне и осталось всего...»	11
«Хочу, чтобы меня вело...»	12
«Издали рывкают гулкие пушки...»	13
«...На картах не гадай, к чему...»	13
Песня о лошади	14
«Не с немцами воюем, а с болотом...»	15
«Далеко течет река Шексна...»	16
«Зачем руда сто тысяч лет...»	17
Карты	18
«В даль веков едва заметной тенью...»	19
В подбитом танке	20
Отдых	21
Перед атакой	22
Карбусель	23
«Спят солдаты крепким сном...»	24
«Мир вспоминали в танке тесном...»	25
«Жил на свете, не скучал...»	26
«Вокруг весна беспутная летела...»	26
«Когда на фронте наступает ночь...»	27
«Друзей немало хоронили...»	28
«Здесь все озера да болота...»	29
«А было под Волховом синим...»	29
«Мы ушли на заре, словно тени косые...»	30
«Тонкая российская береза...»	31
Формуляр	32
«Любители костра и солнца...»	33
«Он ничьих не называл имен...»	34
Смотровая щель	35
После марша	35
Открытка	36
Мга	37
Земля новгородская	38
«Металл сгорел, и пусто в черной башне...»	40
Танкист	41
«Его зарыли в шар земной...»	42
«Я своих фотографий тебе не дарил...»	43
Танк	44
«Пусть о нас вспоминать будут редко...»	45
«Когда под пулями лежишь...»	46
«Сумрак сел...»	47
«Учила жизнь сама меня...»	48
«В полях уже осыпались траншеи...»	48

«Знаю я: в песчаник иль суглинок...»	49
«А мы такую книгу прочитали...»	50
«Вот человек — он искалечен...»	51
Мать	51
«Легко и кратко гикнул пароход...»	52
Победа	54
«Не таким, не в войну, с полпути...»	54
Деревня Гора	55
«Будут жарко натоплены печи...»	56
«Под толщей вод на дне песчаном...»	57

С ДЕТСТВА Я ЗАПОМНИЛ

«Над моим родимым краем...»	61
«Цветет за окнами картофель...»	62
«Вдохнула наконец легко...»	63
Белозерье	64
«В детстве в речке меня ловили...»	66
«Огонь на поленях сосновых в печи»	67
«На фоне нарисованного сада...»	68
«Ну что судьба, ты на нее не сетуй...»	69
«Что-то в области сердца...»	72
«Слесари, танкисты и поэты...»	73
«Из комнаты свежлой и тишины...»	74
«На старый рубеж подо Мгою...»	75
Зима	76
«Года пройдут, я перечту...»	77
«Медленно вращается Земля...»	78
О юности	79
«Гаснет свет, экран голубоватый...»	80
«Волотный вереск на крови цветет...»	81
Стережущий	82
«Вез следа исчезну, только где-то...»	83
«В грохоте ветров нельзя молчать...»	84
«Коль будет трудно, я приду туда...»	85
«Говорят, что мы — поколение...»	86
В Смольном	87
«Приснилось мне жаркое лето...»	88
«Когда искусство не было товаром...»	90
«Я не люблю того, кто мир винит...»	91
Перед праздником	92
«Бывает, что время становится ветром...»	93
«Нет великих людей. Я сам...»	94
Партии	95
«С детства я запомнил это имя...»	96
В Западной Европе	97
«Все, что было давно...»	99
«Все мы дети атомного века...»	99
«Голос первой любви моей...»	100
Комсомольский билет	101
«Старый снимок...»	103
Ленин и часовой	104
«Требуется сказка для детей...»	105
«Мы не пытались в жизни окопаться...»	106

«Романтики двадцатого столетия...»	107
«Грешным делом, как прежде...»	108
«Люди веруют в поезда...»	109
Мой лейтенант	110
«Птаха малая песней заветной...»	113
«Хвала невзлетевшим ракетам...»	114
«Меняется движение светил...»	115
«Не носят давно награды...»	116
Костры	117
«Что знаю я о мире и войне?...»	118
«Вот сесть за стол, в притихшей комнате...»	119
«Всю жизнь куда то далеко спеша...»	120
«Та глина, из которой нас лепили...»	121
«Не хочу я участвовать в той кутерьме...»	122
«Не тяготит застольный разговор...»	122
«Человеку очень много надо...»	123
«Я был солдатом в мае, в сорок пятом...»	124
«Живем на свете, как радары...»	125
«Ничему не научился...»	126
«Все чаще с грустной завистью, все чаще...»	127
«Мы говорим, задумываясь редко...»	129
«Конь плакал. Падала звезда...»	130
«Есю ночь за лесом где-то шла гроза...»	131
«Мир, что остался позади, пожалуй...»	132
«...Ведь каждый был из них, как новая планета...»	133
«Узнал я, право где и лево...»	134
Твоя судьба	135
На белом озере	136
Монолог воина с поля Куликова	138
Ровесникам	140
«В ранней юности, в дальней были...»	142
Икар и Дедал	143
«Нас нет на свете...»	144
«Идея. Правда. Мысль или Мечта...»	145
«Немало я по свету странствовал...»	146
«Весь шар земной устал от той политики...»	147
«Мне грустно. Я мерз у костров без обиды...»	148
В этот день	149
«Европа покрылась жирком...»	150
«Ноги в руки, ветер в спину...»	151
В Шанхае	153
«Христос распят...»	154
Памятник танкистам в Мукдене	155
Гарсия Лорка	156
«Знаю я, что в мае, в сорок пятом...»	157
«Умер маршал...»	158
«Ах, какой мы штурмом взяли город...»	159
«Когда это будет, не знаю...»	161
«Та землянка в волховских болотах...»	162
«Слагая об армии оды...»	163
«Стерпится — слюбится, все позабудется...»	164
«Враг не может предать, как друг...»	165
«Я требую немногого...»	166
«Теряю вкус к подробностям хмельным...»	166
«Крутится, вертится шар голубой...»	167

«Май приносит дым воспоминаний...»	168
«Где вязы кронами сплелись...»	169
«Стал я стар не душой, не телом...»	170
«Ах эти притчи во языцех!...»	171
«Я-то знаю наверно...»	172
«Всю ночь ревели в бухте море...»	173
«Все кончится...»	174
«Вот и век кончается двадцатый...»	174

ЗЕМЛЯ ЛЕТИТ, ЗЕЛЕНАЯ, НАВСТРЕЧУ

В огороде	177
Ночь	178
«По привычке дома не сидится...»	178
На реке	179
Водолаз	180
Копье	181
«Я сегодня вышел в ночь, влюбленный...»	182
«Где ядра раскаленных помидоров...»	183
«Когда качнется дымный берег...»	184
«Что говорить, я не грущу...»	185
«Мир безначальный, бесконечный...»	186
На дороге	187
Закат	188
«По небу падает тихо звезда...»	189
«И вдруг нахлынет, вновь пойдут слова...»	190
«Живу, как получается...»	191
«А ночь идет, она уж на исходе...»	192
«Мне кажется, что я живу...»	193
«За слоем Хивсайда, за легкой пылью...»	194
«За Вологодой метели с бубенцами...»	195
«В ночи трепещет тонкая мембрана...»	195
«И если я тебя не встречу...»	196
«Невтерпеж ходить по осени...»	197
«Узкий месiac легок на вспомине...»	198
«Плывет далекая луна...»	199
«Пусть оборот вокруг оси...»	200
«Нам уходить от милого порога...»	201
«Зеленые звезды встают над ночлегом...»	202
«Падают закаты и рассветы...»	204
«Не забыл я тебя...»	206
«Снова где-то плачут коростели...»	207
«Это так повелось уж от века...»	208
Ночь	209
«Вот звезда покатилась ранняя...»	211
«Утрами травы розовеют в росах...»	212
«Над городом синие тени...»	213
«Тишина, приходит вечер росный...»	214
«Поют невидимые птицы...»	215
«Под солнцем дожди громышают...»	216
«Февраль приходит как бесчинство вьюги...»	217
«А под Вологодой сейчас снега, снега...»	219
«Стрелки замкнули круг на часах...»	220
«Без тебя и день не в день и время...»	221

«На рассвете холодок от плит...»	222
Весна в Ленинграде	223
«Дождь, я один в этой мокрой вселенной...»	224
«По одной нам земле ходить...»	225
«Земля потрескалась от зноя...»	226
«Мне кажется, что это было так...»	227
«Как трудно отвоевывалось счастье...»	228
«Самое тихое время суток...»	228
«Скрипучие сосны залива...»	229
«Вода и небо воедино...»	230
«Нынче видел я перед рассветом...»	231
«Снег качается за стеклом...»	232
«Я словно опустевшая квартира...»	233
«Ни шороха, ни звука — тишина...»	234
«До конька украшенный резьбой...»	235
У костра	236
«Впервые в жизни на земле большой...»	237
«Муку надо же такую...»	238
«Мой край красотой не славится...»	239
«Жить бы мне на земле...»	240
Белой ночью	241
«Золотые песчинки секунд...»	243
«За срубом стертого порога...»	243
Родина	244
«Снежок неторопливый, пристальный...»	245
«Мне этот город с кирхами, костелами...»	246
«Не сочиняю афоризмы...»	247
«Время — чудо главное на свете...»	248
«В звездной жажде забыв покой...»	249
«Взрвели дюны частыми громами...»	250
«Я сам вселенную свою творю...»	251
«Дымная качается река...»	251
«Я много раз в пути встречал рассветы...»	252
Песня о мамонте	253
Птица Сирия	256
«Леса уходят, жалко мне леса...»	257
«У леса голубого на опушке...»	258
«Ты в жизни жег хоть раз мосты...»	259
«Земля землей не мелковата...»	260
Ха Лонг	261
Стихи о дальней дороге	262
«С утра в субботу электрички...»	264
«Как Древний Рим во время оно...»	265
«Ходят по свету страсти-сердасти...»	266
«Россия есть у каждого своя...»	267
«Красное в разгаре лето...»	267
«Милый север, край лесной...»	268
«Бывает — белый свет...»	268
На Севере	269
«На улицах Праги старинной...»	270
Старая фреска	271
«Есть день. Он дан мне словно край...»	272
«В каменной, стальной глуши...»	273
«Есть у сосен зеленых...»	273
«Что есть и мудрее и проще...»	275

«Живет посредине столицы...»	276
Рассвет	277
«И черная случается весна...»	278
«Замечаю: происходит что-то...»	279
«Появились на дорогах вепри...»	280
«День падает, и, словно колокольцы...»	281
«Как будто древних царств реликт...»	282
«Синь все небо уносит...»	283
«Мне нынче снится край родной ночью»	284
На рыбалке	285
На Шексне	286
«Я к тебе забыл сто дорог...»	287
«День начат с молока и хлеба...»	288
Кирики Улиты	289
Белое озеро	290
Север	291
«Пал туман на море синее...»	292
Прощанье с летом	293
«Земля летит, зеленая, навстречу...»	294
«Дождик льет, собака лает...»	294
Семь дней творенья	295

Орлов С. С.
О 66 Заря и дым: Стихи. — М.: Мол. гвардия,
1980. — 303 с.

1 р. 10 к. 75 000 экз.

Посмертную книгу известного советского поэта, лауреата Государственной премии имени Горького Сергея Орлова составляют лучшие стихи, обращенные к молодому поколению.

О $\frac{70402-205}{078(02)-80}$ —188—80. 4702010200

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 2115

Орлов С. С.
ЗАРЯ И ДЫМ

Редактор Вад. Кузнецов

Художник Ю. Бажанов

Художественный редактор С. Сахарова

Технический редактор Е. Брауде

Корректоры Е. Сахарова, А. Долидзе

Сдано в набор 26.11.79. Подписано в печать 30.07.80. А01661.
Формат 70×108 $\frac{1}{32}$. Бумага типографская № 1. Печать высокая.
Гарнитура «Журнальная рубленая». Услови. печ. л. 13,3.
Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 75 000 экз. Цена 1 р. 10 к. Заказ 1981.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦИ ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-Э9, Сущевская, 21.